

СОТВОРИВШИЕ МИР

ИВАН ЧЕРНЕЦКИЙ

Иван Чернецкий

Сотворившие мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37396536

ISBN 9785449337443

Аннотация

Алиса не умеет любить. Александр потерял всех, кого любил. Ей не комфортно в обществе, а ему хорошо в одиночестве. Она работает с мертвецами, а он со лжецами. При первой встрече они ненавидят друг друга. Загадочный человек, господин Редигендум, рушит все планы, и спустя время разлука кажется эмоциональной смертью. Зло не дает захлебнуться эйфорией. Два мира. Две истории. Одни чувства.

Содержание

Предисловие	9
Пролог	15
Глава 1	20
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	73
Глава 8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

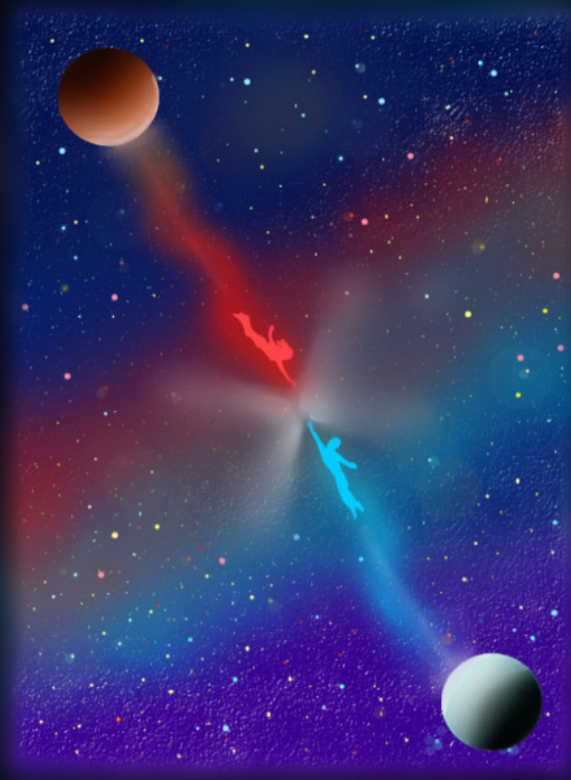
Сотворившие мир

Иван Чернецкий

© Иван Чернецкий, 2019

ISBN 978-5-4493-3744-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОТВОРИВШИЕ МИР

ИВАН ЧЕРНЕЦКИЙ

СОТВОРИВШИЕ МИР

СОТВОРИВШИЕ МИР

Иван Чернецкий

Предисловие

«Так ведь это же всё обман. Чудесный обман, придуманный мамашей природой. Погляди на эту сливу. Ведь она тоже обманывает. Притворяется куда более красивой, чем потом окажется. Ведь было бы отвергательно, если бы любовь имела хоть какое-то отношение к правде...»

*Готфрид Лениц
«Три товарища»
(Эрих Мария-Ремарк)*

Любовь – великолепный источник человеческого наслаждения. Это огромный фонтан, извергающий страсть, радость, ревность, волнение, переживание, ответственность. Чувство любви можно понимать как химическую реакцию с выплеском допамина в кровь, как наркотик, вызывающий желание повторения процесса. Это слова и фразы: «Береги себя», «Я скучаю», «Я волнуюсь за тебя», «Хочу услышать твой голос», «Прости меня». Это тот самый горячий воздух, что наполняет монгольфьеры влюбленных и дает возможность улететь в заоблачные дали. Любовь всегда будет предметом интереса человека, но разгаданной она не станет никогда, а тот, кто считает, что понимает ее – не понимает вовсе. Эрих Мария-Ремарк писал, что любовь сильно затуманивает голову, заставляет человека смотреть на мир через

некую призму, в следствие чего все окружение становится более насыщенным: запахи усиливаются, цвета кажутся ярче обычного, а люди – намного интереснее и счастливее. По Ремарку, ее смысл – обманывать, создавать иллюзорность действительности. Я допускаю такую точку зрения и разделяю ее, а также хочу углубиться в понимание смысла любви.

Не хочу в самом начале нашего путешествия создать ложное впечатление о романе, а также считаю нужным предостеречь о возможном недопонимании. Дело в том, что любовь в произведении по-разному проявляет себя, и зависит это, скорее, от внутреннего переживания автора. Мы готовы пересматривать «Ромео и Джульетту» из года в год в ее новых ремейках, однако любовная сила не всегда показывает себя в своем явном и натуральном проявлении. Бывает так, что сердце при прочтении строк стремится вырваться наружу, но фактически в словах нет того сладкого чувства, которое мы способны уловить в так называемом подтексте. Моей целью в первую очередь является донести до мира сокровытый между символами и пробелами смысл, что таит в себе любовь. Я хочу наполнить внутренний мир каждого героя именно сладким чувством на букву «Л», ведь в нашем мире и так полно людей, движимых кое-чем другим, слово которого начинается с буквы «С».

Любовь всегда оставляет после себя загадочное влечение, то есть создает некоторую точку отсчета, после чего все время отклоняется от нее. А не подтверждает ли непостоянство

любви то, что она всегда должна быть разгаданной лишь наполовину? Ведь, будучи близким к пониманию этого чувства, мы тут же сталкиваемся с его новым, совершенно обновленным выплеском, а старое значение угасает и вся его суть растворяется вместе с ним.

Что же касается парадоксальности: человек почему-то стремится избежать любви, поскольку испытывает непреодолимый страх оказаться во власти чувств. Тогда я приму тот вывод, что любовь действительно непонятна целиком, а смыслом ее является охомутанье. А в таком случае, еще один в последствие вытекающий любовный смысл – всегда быть не до конца раскрытой к пониманию, существовать, как вечная тайна.

Кто-то демонстрирует совершенную бельмесость и запутанность в романтике, спрашивает своих друзей, как правильно действовать в отношениях с противоположным полом, и в чем вообще заключается сущность любви. В итоге мы получаем тезис, приведенный в самом верху. Из него я возьму еще один смысл, который присвою любовному чувству – менять бытие, а именно маскировать материальные и духовные объекты под их более совершенные формы.

Эта точка зрения поначалу смутила меня, ведь, с одной стороны, можно сказать, что мы влюбляемся в самое совершенное для нас, то есть видим человека таковым изначально. Тогда как же любовь может искажать действительность, если предмет обожания сразу кажется нам идеальным? Спе-

шу заявить, что законы любви не поддаются логике, иначе первые два выявленные смысла потеряли бы всякую значимость. Таким образом, я допускаю, что сущность этого чувства недоступна к пониманию людей, а разгадка находится только у самого Бога. Тогда утверждение о том, что для нас объект чувств и другие окружающие предметы искажаются в лучшую сторону во время влюбленности, я считаю верным, а значит и подтверждаю смысл любви, как изменение видения реальности. Чтобы прийти к этому, достаточно просто понимать, что влюбляемся мы не за какие-либо признаки, пускай даже в преувеличенном виде, а под действием непостижимой загадочной силы, объяснение которой пока не находит даже ни одна религия.

Также я выделил очень характерное свойство любви – располагаться к человеку совершенно без какой-либо причины, заставляя думать о нем, переживать за него, несмотря на то, делает он это взамен или нет. Значит, еще один важный смысл любви – быть бескорыстной. Здесь не просматривается какой-либо взаимовыгодной сделки. Настоящая любовь не требует ответа (это не значит, что его не требует влюбленный). При первой встрече ты видишь человека всего несколько мгновений, но именно их потом вспоминаешь всю оставшуюся жизнь. Назову это действие просто, «ловить взгляд», то есть запоминать тот самый миг, в котором и отражается грандиозная любовь.

Ранее я приводил смысл любви, как иллюзию. Однако это

прекрасное чувство способно менять не только какие-либо объекты в глазах влюбленного, но и также создавать субъективные изменения его самого, причем уже не иллюзорно. Как мы можем просмотреть столь интересную тенденцию? Любовь, как это часто бывает идеализированно, приводит человека к свершению «подвигов». Она дает желание делать благие поступки, потому что в момент взаимной влюбленности человек здоров психологически как никогда. Поэтому это самый лучший период в жизни для того, чтобы думать об окружающих. Таким образом, я прихожу к тому, что от чувства любви к кому бы то ни было мы становимся более сознательными, ведь благодаря анализу и изменению своей деятельности, усиливаются наши личностные качества. Иными словами, отходя от привычных поступков благодаря любви, мы имеем выбор дальнейших действий, осуществляем его, в результате чего растем как личность. Интересно так же то, что, как правило, пойти вразрез своим чувствам не решается практически никто. Это непростое решение, но такой смысл у любви, как изменение человека.

Таким образом, я придерживаюсь того, что любовь имеет свойство интриговать, ведь она остается вечной загадкой. Она создает иллюзию насыщенности и качественности некоторых предметов, явлений или их взаимодействия. Любовь – это бескорыстное чувство, которое способно возникать в романтике как некий эстетический плод, без какой-либо причины, в самых непредсказуемых условиях. Таким образом,

она также способна влиять на субъекты чувства, а именно вдохновлять на поступки или запрещать их. Обо всех этих смыслах на протяжении веков размышляют писатели, философы и даже ученые, причем любовь никогда, по моему мнению, не перестанет быть объектом интереса, ведь ее истинный и до конца осознанный смысл лежит лишь у самого Творца.

Пролог

*Когда-то в паточном потоке чисел серых,
Идущих рысью сквозь уплывшие лета,
Рок принес извести о чувствах первых:
Тех самых, что остались навсегда.*

*И тот клинок Амура сердцеедный,
Пронзающий безжалостно любовную стезю,
Не пропустил в меня вонзиться нрав мой бедный,
Желающий спасти любовь свою...*

– Знаете, доктор...

– Мы договаривались, что подобных метафор нужно стараться избегать, – прозвучало замечание откуда-то из кресла с белым халатом и лысиной, на которой лежали очки, – сейчас я не веду какой-либо деятельности, относящей меня к медицине.

– Знаю, но вы, словно хирург моей души, капающийся в сознании. Это так странно, и интересно.

– Давайте сосредоточимся на реальности, иначе меня начинает волновать ваше необычайное воображение.

– Хорошо, как скажете, доктор.

Халат задергался, и из-под него вынырнула морщинистая рука, что, нащупав у лба линзы, спустила их на сухой нос. Через секунду брови нахмурились, а чистоту блокнотного ли-

ста нарушили слова: «нахальство и демонстративность».

– Приступим, наконец, – сказал пожилой слушатель в халате, из-под которого виднелся клетчатый воротник рубахи.

– В общем, я стала понимать, что мой жених, который сделал предложение буквально на днях, настоящий безумец. Его повадки итак не всегда объяснимы из-за того факта, что мужчин в этом мире не понять. Да сверху всего этого он не дружит с головой, когда не может сказать официанту, что у того западает реакция, и что ему следует пройти курсы психоневролога, только потому, что «кодекс запрещает хамство по отношению к живым существам, а также какое-либо негативное влияние на чувства окружающих».

– Вы утверждаете, что ваш молодой человек выдумывает небылицы, потому что относится к сильному полу. Также вас не устраивает порядок, установленный законом, – в блокноте старика появилась новая фраза «стереотипное мышление и ослабленные моральные нормы». Рука, поправив очки, упала на подлокотник. Взгляд оторвался от записей, и легкая улыбка устремилась в сторону собеседницы с белыми волосами, падающими на нежные плечи. Рассказ продолжился с энтузиазмом.

– Самое странное – это то, что он мне вроде бы нравится: чувства порой настолько сильные с его стороны, что про такие снимают фильмы и пишут романы. А иногда мой парень просто невыносим, когда становится таким же ненормальным, как все люди вокруг. Не знаю, стоит ли говорить

про любовь, так для каждого она своя, и, может, для кого-то и подразумевает подобные противоречия: я вот, например, считаю, что она появляется только после какого-то периода в отношениях и выглядит совсем не так, как эта ерунда, что творится у нас. Исходя из всего, я подумываю оборвать с ним все связи. С парнем в смысле. Потому что не вижу взаимной влюбленности от себя.

– Несмотря на состоятельного жениха, вы продолжаете «искушать судьбу». Вы выдвигаете необъяснимое поведение со стороны общества, обвиняя его тем самым во всех собственных проблемах. Вы осознаете это? – «врач» вновь коснулся пальцем перемишки очков.

– Несомненно, – карие глаза убежали в сторону, после чего последовал печальный выдох, – поэтому я затруднилась точно определиться, к кому именно обратиться. Вся «соль» в том, что это не всегда так. Мое чувство «невзаимности», в смысле. Иногда я замечаю, как что-то заставляет меня передумывать. В мою голову все же приходит осознание того, что я даже не говорила ему ни разу, что люблю. При всем своем безумии он держит меня. И я все так же не уверена, стоит ли тогда уходить. Это необъяснимая сила. Раньше я могла отвыкнуть от любого идиота. Я могла разорвать отношения между своим бывшим, и даже ни разу не взять трубку. Здесь же, как мне кажется, разорвать связь труднее. Я как-то раз уже это сделала, но в итоге мой «суженный» отыскал меня, и я не смогла противостоять соблазну. Я даже и не за-

хотела, вы представляете? Так продолжалось еще пару раз и сейчас я подумываю о том, какая жизнь нас ждет в будущем. Смогу ли я быть с ним счастливой? Или же лучше продолжать привычную жизнь в поисках того самого, что будет таким же асоциальным, как и я. Наверно, таких нет на этой планете.

Последняя запись на четвертой странице блокнота была дважды подчеркнута жирными линиями: «Неуравновешенное состояние психики. Многочисленные расстройства. Психопатия. Статус терапии – невозможен. Прибегнуть к строгим мерам наказания или изоляции».

Послушайте, Алиса. Если у вас все, то я не вижу смысла в дальнейших сеансах. Вы... Не нуждаетесь в этом... Я передам записи вашему институту, где специалисты самостоятельно примут решение.

– Какое?

– Понимаете, тут сложно сказать, какое...

Палец встал наизготовку, и за миг до очередного касания очков, мужчина увидел озабоченный взгляд девушки.

– У меня есть еще кое-что, – терпеливо вырвалось из светлых тоненьких губ.

– Конечно, я вас слушаю, – палец коснулся очков, и линзы встали в идеальное положение, чтобы сделать последнюю запись: «пустословие, как основной порок».

– В общем... Больше всего я боюсь ошибиться. Ведь если я прекращу с ним общение, то возможно совершу ошибку

и упусти прекрасную пару. А, может, продолжу развивать отношения и стану несчастной дурой, которая, под действием собственных иллюзий, внушила себе идеал и ошиблась. Он добрый и милый, но в то же время до идиотизма «нравственный» и слабохарактерный, красивый и сильный, но при этом без «душка». Я считаю, что сама могу разобраться в некоторых делах и не позволяю ему помогать. И даже здесь я не понимаю: он не хочет меня загружать, потому что любит или потому что ему сулит об этом дурацкий кодекс, который вообще-то не страшно нарушать. Если бы я была обыкновенной девушкой, я бы поняла все, осознала меньше чем за сутки. Но мой ум – он не такой, как у других.

Глава 1

Холодная скамья под светом фонаря ждала автобус, способный увозить в неизвестный мир, наполненный сплошными факторами, выводящими из состояния покоя. Сигарета с раскаленным красным концом висела на вершине темного силуэта, и опускалась лишь затем, чтобы дать дорогу серому дыму. Массажный кабинет, кино, ресторан, магазин, больница – это все отнимало силы, заставляло выходить из зоны комфорта. В какой-то степени удавалось преодолевать депрессию, ведь осенняя погода сменилась кристалликами льда около трех месяцев назад, а в такой период грустить было бы просто преступлением. Тягостью всегда являлось общение. Оно не было нужно в том формальном виде, который свойственен на нашей планете. В глазах редко появлялся интерес к кому-либо с этим детским энтузиазмом. Скорее, приходилось выискивать хорошие стороны в незамысловатых фразах и любезностях, исходящих от эгоистов и лжецов. По праву бы считали везунчиком того, кто за всю жизнь обзавелся, по крайней мере, дюжиной искренних комплиментов в собственный адрес.

Не смейте подумать, что нравственная личность находится в роли изгоя в этом мире. Он реален, и окружает каждого из нас, так что все, о чем пойдет речь, тем или иным образом, имеет место быть на самом деле и тесно располагаться

по соседству с вами.

Теплый пар состязался с дымом за право быть развевным по ветру, и каждый из оппонентов выигрывал этот спор. Пролетающие по трассе огни, помимо затихающего рева оставляли грязные колеи из обломков мокрого темного снега. Море следов от колес пребывало в постоянной спешке и бесполезной суете. «В чем смысл торопиться с „любимой“ работы, если, проведя ночь с „любимой“ семьей, вновь нужно будет отправляться на заработки, которые приносят минимальное количество счастья, какое вообще способен доставить труд?» – новый печальный выдох оставлял за собой тягостную мысль, что сменялась очередным, и, возможно, куда более тяжелым переживанием.

Пепел падал на снег, а потом сквозь него, прожигая невидимый никотиновый след.

– Опаздывает, – сказал мужчина.

Глава 2

Рабочий день начинался с десяти часов. В половину десятого ключи от скромного кабинета звенели в твердых руках с едва выступающими венами.

– В следующую пятницу меня заменяет Катерина Пассевна, – фигура в пальто торопливо двигалась между стойкой регистрации и стендом с картинками массажного процесса, поднимающими на смех любого, кто хоть отдаленно знаком с этой сферой.

С полминуты погода ключи щелкали в двери, а петли скрипели от натяжения. Тьма ненадолго озаряла серое шерстяное пальто и кожаный дипломат с личными делами пациентов, пока плафоны пытались разгореться. С нескольких попыток свет в лампах, один за другим, застыл в едва слышном гудении. Вешалка за дверью в звонком рикошете скрылась за тяжелой верхней одеждой, из под которой выступил хлопковый больничный халат, из года в год садящийся от горячей стирки. В раковине на какое-то время зажурчала вода, и захлюпало густое мыло, пахнущее гранатовым соком. Грубые руки с темными волосиками на тыльной стороне кистей наспех обтерлись о белоснежное полотенце из дешевой ткани. Длинные пальцы выхватили компактную книжечку из стопки журналов, жадно раскрыв ее в том месте, где лежала ручка.

Двадцать восьмое февраля:

Запланированные пациенты

Смолеников Г. П. – 10:15

Стяжина Е. А. – 11:00

Боровикова Н. М. – 12:10

Редигендум В. Г. – 13:00

Он поставил свою подпись, расписную «Й», положил ручку в переплет и расстелил полотенце на кушетке.

В Нунти'се проживало свыше пятисот тысяч человек. В «Дермолайф» ежегодно обращалась четверть из них. Это были старики с повышенным давлением и сухими морщинистыми складками, полные раздутые женщины с атрофированными мышцами, волосатые грузчики, готовые выкинуть собственную спину на свалку ради повышенной ставки, и в итоге приведенные в больницу их неудовлетворенными женами, а также горячие спортсменки, растягивающие связки в откровенных местах на тренировках. Работать массажистом время от времени становилось невыносимо приятно либо до экстаза противно. Некоторые пациенты жаловались по каждому поводу, и придирчиво относились к тому, какие части тела можно трогать. К некоторым у массажистов не находилось чувств и эмоций совсем. К примеру, сорокалетнюю директрису, которая последнее время прохо-

дила массажный курс из-за «сколиоза, вызванного медленным развитием мышц спины», приходилось с каменным лицом выслушивать, когда она, довольно симпатичная, приносила в работу дополнительную нагрузку, поскольку могла вести разговоры на философские темы, даже когда беспощадные руки изнуренного гончара старались выправить давным-давно обожженный бракованный позвоночник. В течение двадцатиминутного сеанса попыток решения нерешаемых с точки зрения анатомии задач, освещались темы искусства и его предназначения в мире, иногда разбавляемых сложными философствованием еще более скучными обсуждениями телепередач. Иными словами, массажное дело – рай на Земле.

День выдался легким, потому что клиенты не были скупы на комплименты. Массажист начал делать расслабляющие похлопывания, а через полминуты сообщил о том, что сеанс окончен.

– Вы знаете, у вас волшебные руки. Спине так хорошо всю неделю, – коротковолосая женщина, спрыгивая с кушетки, и застегивая бюстгальтер, старалась усыпать комплиментами своего «спасителя».

Мужчина подошел к раковине.

– Это так, потому что мышцы какое-то время находятся в тонусе после сеанса. Вам бы чаще здесь появляться.

– Ох, вы же знаете, что я итак едва нахожу замену раз в неделю, – откуда-то из натягивающейся блузки прозвучало

кряхтение.

Белый халат примялся на стуле, когда массажист сел за стол.

– Надежда, напомните пожалуйста, где вы работаете? – Он застыл пристальном взгляде.

– Я разношу выпивку в баре «Старуха в блеске», – сказала гордая официантка.

– Ах, понял. Тогда не стану больше задерживать. У вас сегодня, наверно, единственный выходной за месяц, – щетинистое лицо направилось к собеседнице, а губы изобразили подлую улыбку.

Клиентка посмотрела в ответ, и в карих глазах мелькнули бранные фразы в известный адрес.

– Ну, ладно. До свидания. До следующей недели. Увидимся, – сказала женщина и хлопнула дверью.

Темноволосый человек рассмеялся, а по коридору через пустой проем пролетела волна короткого эха. Жизнь в это мгновение остановилась, но через секунду клиника вновь ожила и зашумела в беспорядочном количестве голосов ворчливых пациентов, ожидающих своей очереди в разгар дня. Халат поднялся, массажист выпрямился, чтобы прикрыть дверь, но у входа случилась заминка, вызванная глухими шагами. Они отчетливо звучали, заглушали остальные шумы. Казалось, что это будет вечно скребущий душу топот. Но вот в двери показался силуэт. Это был высокий худой человек в пальто и шляпе, словно лондонский сыщик из детек-

тива мыльной оперы.

– Здравствуйте, Александр! – прозвучал бас откуда-то из воротника. В нем была обнаженная грубость, но не как помеха, а, скорее, словно изящество, свойственное стойким людям, прожившим суровую жизнь.

– Добрый день, вы по записи?

– Не волнуйтесь вы так, я слышу ваше сердце. Это кошмар! Может, стоит заварить чай? – сказал незнакомец, после чего широко улыбнулся. Такому низкому голосу это вовсе не смотрелось к лицу.

– Спасибо за беспокойство, но у нас ограничено время, – мужчина расстегнул ворот рубахи, – Ваша фамилия Редигендум?

Шляпа наклонилась в низ, и массажист посчитал, что это кивок.

– Не могу найти карту с историей лечения. У вас нет никакого направления? – Александр нахмурился.

– Вы знаете, если честно, я не хочу вас сейчас утруждать и ходить вокруг да около, – из пальто вынырнул холодный конверт.

– Что это?

– То, от чего не отказываются, господин Йудекс.

Брови нахмурились, когда врач принял послание. Дрожащие голубые зрачки уставились на человека в пальто.

– Я так понимаю, сеанс вам не требуется? – сказал доктор Йудекс.

– Я уже ухожу, так как выполнил свое предназначение. Прощайте, Александр, – незнакомец опустил голову и вышел из кабинета. Шагов теперь не было слышно. В коридоре по-прежнему сидели озабоченные своими проблемами старики и дети в бахилах. Фигуры в длинном плаще и след простыл.

– А я думал, что выбрал скучную работу.

Халат резво закрутился в коротком танце, когда врач проверил взглядом конверт, отложенный на стол.

Глава 3

Что дает человеку любовь? Она рождает в нем идею. Она делает его подвижным, живым, приткким. Любовь играет злые шутки со слабаками и зачастую делает сильных ничемными. Любовь растаптывает человеческие стержни, гасит гордость и самосохранение. Это чувство заставляет делать сумасшедшие вещи, но в то же время убивает нас и медленно разлагает душу. Это происходит, потому что мы боимся потерять дорого человека и остаться на всю жизнь в одиночестве среди любого общества.

Что дает человеку страх? Он создает определенные границы. Стоит ли их нарушать? Это зависит от того, является ли хозяин данного чувства слабым духом или личностью сильной. Со страхом можно совладать и направить его в нужное русло. Тогда и рождается смелость или даже отвага. Когда же мы начинаем бояться? Отчасти тогда, когда теряем то, что любим.

Он сидел на скамье и смотрел в пустоту, сквозь все пространство перед собой. Глаза его намертво застыли, одна ладонь уперлась в голову, а вторая держала письмо. Он потерял счет времени, и его интересовали только собственные мысли, а все окружение являлось в виде фонового звучания и мерцания.

Даже если бы все оптимисты мира столпились около него

и стали диктовать лозунги о том, что нужно жить проще, он бы не отвел взгляда от надписи в самом верху конверта «Редигендум В. Г.», а точнее от тех картин, которые стояли в его сознании.

Действительность такова, что ожидания зачастую не становятся явью, а наоборот, превращаются в несбыточные надежды и мольбы к Богу. В такие ситуации человеку очень трудно думать о простой рутине. Его скорее волнуют ошибки, совершенные сгоряча, люди, которые ушли из личной жизни, бесконечные провалы и неудачи, постоянное желание бросить всю свою жизнь с обрыва.

Все вокруг гудело и тряслось. Воспоминания: отец, щедрая душа, дарящий великолепный набор минишашек. Мать, улыбающаяся счастливому смеху своего сына. Младшая сестра, чьи большие блестящие глаза приносили в душу счастье. Далее воспоминание о человеке на пороге дома, сообщение о гибели отца и матери, тяжелом состоянии сестренки. Водитель автобуса уснул за рулем, выехал на встречную полосу, убил семью из трех человек и сделал сиротой девятилетнего мальчика. На Земле все-таки происходили несчастные случаи, точно так же, как и намеренные преступления. Только, какая разница, за кем стояло зло: за людьми или за госпожой судьбой. Любая система давала сбой, и эта – не исключение. Вот почему Саше не хотелось слепо следовать ей.

Дальше в глазах стояла больничная палата, врачи, забега-

ющие в нее. Вскоре санитар вышел и с сожалением посмотрел в сторону мальчика. Теперь у него не было ни одного родственника, ведь из-за шторки виднелась маленькая ручка, бездыханно свисающая из-под покрывала. Добро пожаловать в мир самого страшного человека. Человека, который потерял все.

В двадцать три года он встретил любовь всей своей жизни, которая не собиралась отвергать его. Через полгода совместной жизни его девушке поставили рак легких. Награда за пятнадцатилетний стаж курения. Премия в студию. Награждение произошло через полтора года на похоронах. Счастливая история о любви. Ирония судьбы с элементами душевного разрыва и эмоциональной смерти.

Странно было то, что ему пришлось снова переживать это, как будто не хватило натерпеться в прошлом. «Странно, действительно необычно» – подумал он, и, вдруг, отвлекся от терзающих душу мыслей и принялся читать письмо. Спустя минуту он уже размышлял о том, стоит ли тратить время на подобные дела.

«Дорогой Александр, это приглашение может показаться тебе шуткой. Пускай так, но прошу, не выдвигай поспешных выводов, поскольку в твоей жизни не хватает чего-то поистине захватывающего. Это широко известный факт – заболевание больше чем наполовину терзает здоровую голову от недостатка эффекта плацебо, нежели действенных препаратов. Я считаю, что ты достоин принять мое пред-

ложение, но, для начала тебе придется согласиться на визит в очень интересное место, хотя описать словами его истинную уникальность не представляется мне возможным в силу бедности любого языка, что ты знаешь. Дело обстоит таким образом: твое решение влияет на дальнейшую судьбу других людей, и это интересует твой глубокий ум. Наверняка, в тебе уже пробудился скрытый огонь интриги, потому что воздействие на людей – основной твой смысл жизни. Не думаю, что у тебя есть желание спорить на этот счет, а если я ошибаюсь по поводу последнего, то жду на дискуссию первого марта в имении Свята Гадуха. В полночь.

Р. С. Попасть туда можно, обратившись к таксисту, что обычно стоит на главной площади Пестрого рынка. Ты узнаешь его по манере разговаривать и парковаться.

Редигендум В. Г.»

– Кто-то еще пользуется бумажками... Кто-то, у кого есть шикарная печать, но нет компьютера с проведенным интернетом... Я что, приглашен в замок? Будет интересно поглядеть на этот розыгрыш на Пестром рынке.

Послание выглядело таким странным, и не столько от содержания, сколько от чувства, которое возникало в присутствии конверта. Словно в нем была некая аура, темная и повелевающая.

Выбор – основная мука человека. Зачастую, мы так и не осуществляем его. Что есть выбор в нашей жизни? Для чего он нужен? Этого сказать нельзя, но единственное, что

должно волновать – это последствия принятия или непринятия. Вся соль именно в этом: не в том, чтобы сделать определенный выбор. Куда главнее вопрос, принять ли решение, или же отказаться брать на себя ответственность (а в недалеком будущем расплатиться за это).

Как же хорошо ему удавалось философствовать, и как нелепо получалось у него жить...

Глава 4

Александр приехал с опозданием. Он достал конверт и удостоверился, что адрес правильный. Это сомнение появилось от того, что перед мужчиной предстало огромное здание, которое походило на театр, а его парадный вход заслоняли колонны, как в античные времена. Он чувствовал себя героем древних богов, что, пройдя все испытания, поднимался по лестнице посвященных. На верху этого пьедестала стоял мужчина в кожаной дубленке с меховым воротом. Во рту у него была сигарета, которая догорела почти до самого конца, но пепел падать, словно и не собирался. Когда герой приблизился к курящему, он снова вспомнил больничную палату смерти, забравшую жизнь двух его любимых женщин.

Александр хотел было зайти внутрь, но с губ человека в дубленке сорвались слова:

– Останьтесь, поговорим, зачем вы здесь, а потом навестим гостей вместе.

– Я пришел по приглашению, а вы? – произнес Саша. Он нахмурился от запаха дыма.

– А я просто пришел, потому что этой ночью должно вновь свершиться много всего интересного.

– Что, например?

– Вы знаете... Зачем расспрашивать, когда я уже давно докурил, – сказал незнакомец. – Пойдемте, и вы испытаете

наслаждение, удовлетворив свой только что возникший интерес.

Когда они зашли внутрь, слуги помогли снять верхнюю одежду. У Александра был элегантный костюм с красной рубашкой, и из кармашка на груди торчала свернутая купюра. Под дубленкой второго мужчины оказался смокинг с прикрепленной цепью на груди. Это украшение сразу бросилось в глаза Саше, потому что оно переливалось на свету различными цветами.

Оба пошли по длинному коридору. Они шли мимо картин, которые сменялись разными темами – последние три что-то объединяло, но что именно, мужчина в красной рубашке понять не смог. Он только почувствовал, что они ему нравятся, ведь изображения будто бы были сделаны инопланетянином, чье видение жизни отлично от любого другого даже современного и креативного.

– Старался, – сказал мужчина в смокинге с золотой цепочкой, и слегка показал взглядом как раз на эти картины, у которых даже не было рамки.

– Это ваша работа?

– Да, видите подпись? Росписная «Р». Мое имя, Редигендум Влас.

– Влас Гадух? Так это вы.

– Да, конечно. Извините, просто не привык представляться так часто.

– И сколько раз вы за сегодня уже оказали подобную лю-

безность? – спросил Александр.

– Второй раз. И давно такого со мной не происходило, чтоб вы знали.

Они подошли к дворецкому, который почтил их своим поклоном. Влас кивнул в ответ, а гость протянул руку. Дворецкий пожал ее. Александр смотрел на него, словно не ожидал любезности от прислуги.

– Влас Гадух, мы все подготовили. Когда подавать звук? – спросил слуга.

– Четверть часа, Август. У нас на вечере только что появилась пара новых гостей, которые наверняка хотят осмотреться и пообщаться с людьми, а также попробовать закуску. Саша, думаю, я пока отойду и позже вернусь.

Мужчина в смокинге направился в главный зал.

– Откуда вы знаете мое имя? – спросил Александр. Влас не обернулся и скрылся в толпе.

– Не забывайте, где вы, – сказал дворецкий и протянул руку в сторону гостевого зала.

Мужчина последовал в дверь. Его преследовало чувство, что с тем дворецким они уже встречались, и, вероятнее всего, именно он приносил письмо две недели назад мужчине на работу. Знать наверняка уже было нельзя.

Александр очутился в живом помещении с высоким выпуклым потолком, на котором были странные картины про разных людей. Они чего-то стояли в прошлом, раз попали на этот дорогой потолок. По крайней мере, об этом подумал

Саша.

Скитаясь среди гостей, мужчина постоянно натыкался на индивидов весьма образованных, но они все равно внушали лишь чувство тоски и рвотного рефлекса. При разговоре с последним мужчиной, Александр не унес ничего полезного кроме знаний о том, как правильно ставить ударение в слове марке'р. Он продолжал слушать противное мычание звука «йор, йорр», пока из толпы не вынырнул официант с бокалами шампанского. В этот момент, Саша выхватил один и вручил напиток нудному извращенцу-этимологу. Тот в свою очередь торопливо принял бокал и, поблагодарив облако воздуха вместо Саши, закружился и растворился в группе людей. Если бы он по-прежнему стоял около Александра, то непременно получил бы в лоб доскональный анализ слова «навеселе».

Мимо мужчины промелькнул черно-белый силуэт. Александр повернулся, и увидел лишь край кружевного платья, забегающий за усатого господина. Саша направился в ту сторону, и, вскоре, его взгляду предстала стройная девушка с серыми кончиками волос. Она крутилась в разные стороны, слегка приподымаясь на носочках.

Иногда не получалось упустить человека из виду, и, в данном случае, девушка выделялась им, будто он смотрит на горсть зрелой рябины в сугробе. Что-то заставляло предвосхищать удовольствие от общения с ней. Волшебный живой взгляд, вызывающий в то же время внутреннюю тре-

вогу за собственную безопасность. «Хищница», – подумал мужчина, – «ищет, чьи бы карманы опустошить. Сейчас посмотрим, что за фифа скрывается за этой наглой и очаровывающей миной». Он направился в сторону девушки. Его непоколебимый настрой вызывался тем, что по типу такого поведения он часто раскрывал алчных женщин, думающих только о себе. В этом и заключалась обратная сторона роковых дам – играть роль очень важных и сложных созданий. По правде, они являлись маленькими девочками в чистом виде, которые в глубокой древности выработали такой метод приспособления, как высокомерие.

– Как вам угощения, – спросил мужчина и обошел ее вокруг, чтобы заставить вертеться.

– Ох, здравствуйте! Я еще ничего не пробовала. А что, есть рекомендация? – в странной улыбке сказала девушка, когда, наконец, смогла найти своего собеседника взглядом.

«Сейчас стоит проверить, как она реагирует на мужской каламбур», – подумал Александр, и изобразил менее важную позу.

– Вообще-то, я еще думаю, уйти сегодня домой с хорошим настроением или устроить скандал, защищая честь бедных гостей от злых разносчиков с плохими закусками.

Девушка засмеялась, и ему стало интересно. В планах, все было совершенно иначе, ведь Александр рассчитывал увидеть неискреннюю гримасу подобия веселья, в качестве попытки сближения. «Чертовски проворно играет свою

роль», – прищурился он, – «это уже что-то интригующее. Все же лучше, чем изображать мешок картошки во время ожидания». На этой мысли мужчина решил завязать с девушкой беседу и узнать ее поближе. Один раз, его даже пробило на искренний смех, и Александр, было, решил, что девушка поняла в нем подобную искусственность, но потом быстро выбросил это из головы.

Когда он поинтересовался, чем занимается девушка, их прервал Влас и сообщил, что нужно в скором времени обратить внимание на импровизированную сцену, на которой будет выступать сам же хозяин имения.

После этого Александр почувствовал, что Влас тянет его за руку и скрывает в толпе гостей.

– Александр, я очень рад, что вы не ушли раньше начала моего выступления. Теперь я абсолютно уверен, что вам моя затея понравится. Вы уже познакомились с замечательной доктором Алисой Смирновой? – сказал мужчина в смокинге. Он буквально напал с неожиданным расспросом.

– Не знаю, – ответил Александр, – это та девушка, беседу с которой вы прервали несколько мгновений назад?

– Именно, мой друг, – собеседник вытянул шею, посматривая в разные стороны, – и на счет этого у меня есть к вам важная просьба.

– Помогу, чем смогу.

– Понимаете, эта девушка должна выслушать мою речь до конца. И проблема в том, что она была воспитана... – он

замаялся, – В кругах отдаленных есть такой район, в котором взгляды на жизнь... несколько отличны от наших. А это может означать, что госпожа Смирнова может покинуть имение раньше того, как я закончу выступление. Поверьте, это большая ошибка. Она в конечном итоге будет жалеть о содеянном, так что, друг мой, надеюсь, вы уже предвосхитили тот момент, о котором я вас попрошу.

Александр посмотрел на мужчину, словно тот предложил ему устроить налет на военную летную базу Нунтиса, вооружившись самодельными хлопушками.

– Каждый вправе выбирать, как поступать, и мы не в состоянии этому мешать.

– Я ведь не прошу уговаривать ее, – сказал Влас, – я лишь хочу, чтобы у девушки созрело истинное мнение о моей задумке.

– Хорошо, я вас услышал, – ответил мужчина.

– Прекрасно, тогда я начинаю свой выход прямо сейчас.

Они подошли к столу с микрофоном, и Александр остался в первых рядах толпы, а Влас направился в центр зала. Там он начал вещать о своих намерениях и возможностях, которые предлагаются участникам. Пару раз ему удалось рассмешить зал, но, затем люди стали выходить.

Александром нравилось, как говорит человек в смокинге, и как блестит цепь у него на груди. Давно он не наблюдал за работой настоящего профессионала. Когда хозяин имения обнаруживал, что упускает внимание зала, он тут же менял

позу и усиливал голос. Он говорил уверенно, будто каждую ночь, начиная с рождества, репетировал этот выход перед зеркалом.

Александр сбежал от Алисы, которая подошла к нему во время речи, но вскоре мужчина увидел, как она идет по залу, а люди провожают ее взглядом в мертвецкой тишине. Затем он сопоставил просьбу Власа с его последними словами о могуществе. Тогда в голову закралась единственная идея, и он поспешил к выходу.

Он быстро добежал до тяжелой двери, и слуги оказали очередную услугу, отворив ее. Тогда мужчина бросился к Алисе, которая в этот момент забирала одежду из гардероба. Что-то подсказывало ему, что задержать девушку просто необходимо. Это было настолько сильное желание, что, впервые за долгое время, Саша перестал ощущать симптомы депрессии. Голова не болела, и ладони потеплели, и это было чудесно. Все способствовало тому, что Александр уверенно шел к своей новой цели.

– Алиса, постой, – он приблизился к ней настолько близко, что девушка чувствовала его нервное дыхание.

– Ты видишь, что там творится? – возмутилась девушка, – это так глупо! Я потратила вечер на то, чтобы вступить в наркомафию. Теперь я знаю, где живут плохие люди в этом мире, – она резко указала взглядом на комнату с гостями.

– Я тоже считаю, что Влас сказал жестокую вещь, и все-таки, у меня есть предчувствие, будто он сказал это, чтобы

отсеять большинство людей. Ну не похож он на других людей, поэтому даю зуб, что он задумал некое интересное событие, и мы не способны его пропустить.

Не успел Александр закончить с уговорами, как они услышали громкий щелчок, и из открывающейся двери стали быстро выходить озлобленные гости.

– Смотри, они все уходят! – заявила Алиса с просыпающимся интересом.

– Вижу, – сказал Саша. Он потерял все свое воодушевление.

– Я думаю, теперь, мы действительно можем пройти и проверить зал, – Алиса повернулась в сторону гардероба, чтобы вновь сдать верхнюю одежду.

Когда молодые люди снова очутились в гостевом помещении, в центре они обнаружили Власа с распростертыми объятиями. На его лице была очень интересная гримаса. Господин Редигендум сморщился, будто положил на язык мякоть целого лимона. Он был готов разрыдаться на месте. Затем он замахал руками, как пловец при брасе и беззвучно проговорил губами какие-то слова. По крайней мере, Алиса и Александр поняли их как: «I love you».

Глава 5

Любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении.

(Антуан де Сент-Экзюпери)

Утро субботы началось, как и всегда, намного раньше, чем день Алисы Смирновой, патологоанатома «Дилигитского Научного Исследовательского Института (ДНИИ)». Хотелось бы заметить здесь, что героине до безумия нравилось прозвище «Лис», поэтому пренебрегать таким я не стану.

Лис бросило в пот от очередного сна, повторяющегося уже несметное количество дней. Он не давал ей покоя, ведь, по логике, человеку, постоянно исследующему органы и ткани, должны сниться кошмары, комедии, трагедии, но не один и тот же силуэт.

Не видно никакого тумана. Все четко. Понятно. Кратко:

– Ты пришел ко мне?

– За тобой, – сказал он, и девушка поняла, что мужчина улыбнулся, хотя лицо так и не всплыло в памяти.

– А как же моя жизнь? Я не хочу бросать родных и друзей, я хочу остаться дома, прости меня.

– Я знаю, Алиса, я пришел сюда за тобой, но уносить не собираюсь.

Далее только темнота, потом белый свет. И вот она приходила в себя. Она не чувствовала ни страха, ни боли, ни жара, ни волнения – ничего. Совсем. Этот сон вытягивал из нее эмоции, словно шприц набирал в себя раствор. Для нее этот раствор – любовь. Да, она понимала: сон забирал ее любовь. Это именно он виноват в ее полном безразличии. Только он.

Для Алисы не существовало такого понятия как «девушка». Она смотрела на жизнь с точки зрения человека, который всегда был белой вороной. Поэтому сложно сказать, хотела бы она по-настоящему показывать свои женские черты или нет. Любовь в ее сердце никогда не играла так пылко, каким бывает раскаленный металл в кузне. Она постоянно смотрела на своих спутников глазами неопределенными, не чувствовала «искр» в груди или прочих состояний, которые так трепетно описывали в мелодрамах. Лис умела любить. Она хотела буквально дышать своим молодым человеком, потому не начинала отношений последнее время.

И сейчас, будучи одинокой, ей было лишь важно, что мысли пока не тревожил никто кроме ее самой.

Спустя несколько минут на кухне закипел чайник, в ванной полилась вода, Алиса вновь стала свежей, только вот тратить всю энергию не собиралась.

«Когда-то в паточном потоке чисел серых,
Идущих рысью сквозь уплывшие лета,
Рок принес извести о чувствах первых:
Тех самых, что остались навсегда...»

Играла музыка по радио, и, девушке вовсе не хотелось менять волну: эта песня уже в сотое утро играла на ее кухне. Вместе с голосом из приемника пела и Лис. Это ее успокаивало. Ее характер постоянно создавал препоны для нее же самой, и только музыка всегда возвращала в Дилигитск, на улицу Стреловержсца двадцать восемь, в маленькую квартиру, балкон которой выходил прямиком на главную улицу, так, что она видела новогоднюю елку, сверкающую и блестящую вечерами.

С семьей у девушки не сложилось сразу после выпускного, и, похоже, что пятый новый год приходилось проводить на работе. Самый странный диалог иногда всплывал в голове: «Так значит в тебе нет чувств, Алиса? Значит все, что ты для нас делала – простая безысходность?! Так ты хочешь отплатить родителям за твое воспитание и содержание?» – прокручивались киноленты слов материнских упреков в памяти каждый раз, когда она смотрела на кружку с надписью «Доча, мы любим очень!», на ту самую, которую ей подарил отец на крестины. Родители успели разойтись, когда Лис было полтора года. Она помнит только, как тянет отца за штанину, а тот продолжает идти, оттаскивает ногу, затем поворачивается: его лицо сначала просто красное, а потом приобретает хмурый угрюмый вид. Зато отчим – «хороший человек, честный, а главное, не любит спорить. Идеальный мужчина, которого заслуживает каждая уважающая себя женщи-

на, как и в том числе, Алиса» – прекрасные материнские слова, которые точно так же, как и «бесчувственная неблагодарная дочь» оставили теплые воспоминания в сердце милейшего патологоанатома на свете.

На этот раз у Лис начало тянуть низ живота, при том, что с медицинской точки зрения все хорошо.

«Что-то нет желания – подумала она – нет охоты что-то делать сегодня... Даже бодрствовать».

Она шла по коридору, стены, пол и потолок которого будто росли из шипастых стеблей роз, без лепестков, без наметков на них. Она шла по нему, почти прыгала, ведь шипы делали свою работу, они больно кололи нежную кожу на ступнях, так что девушка старалась двигаться на носочках. Она хотела схватиться за потолок, но и там было больно прикоснуться, ее кололи маленькие зеленые иглы. Тогда она обратилась к стенам, чтобы опереться на них – тут ждал тот же самый исход. Это был не то чтобы слишком болезненный процесс; он был похож на удары током, самым малым разрядом. По факту, это чувство подобно тем самым иголкам, которые иногда покалывают отсиженные конечности или, как бы это сказал друг и коллега по лаборатории Алисы, Самсон Сусурик, гипестезия слабо развитой мышечной ткани. Но не думала сейчас девушка о пациентах и их покровах и крови. Мысль ее – всего лишь одна – устремлялась к нему, приверженцу загадочных появлений и впечатлений. Она пробралась к нему, теперь уже выйдя из «остро-

го» тоннеля. Ноги топтали воздух под собой, твердый воздушный, постоянно кружащийся вихрем пол, который щекотал бы пятки, будь это сон. И вот этот загадочный любовник стоит с розой в руке, а потом протягивает ее, но почему он молчит? Девушка видит как ее застигает тень его лица. И вот она собирается коснуться его щеки, но рука ложится на жабры, резко отстраняется. Внезапный ужас, страх сковывает движения, что даже не удастся поднять голову. Вдруг он присаживается так, чтобы она увидела его обличие даже с опущенным взглядом. В глаза ей бросается лицо не приятного любовника. Она с ужасом отвечает на взгляд, потому что невозможно отреагировать иначе, когда перед твоим лицом предстает ста восьмидесяти зубовая акуля морда. Пасть резко открывается, но вместо того, чтобы приблизиться и сомкнуться, внутри обнаруживается странная коробочка с бантиком, девушка хочет взять ее, тянется ближе, как вдруг зубы смыкаются. А что в это время глаза? Два фиалка, в центре которых расплзается темное пятно, словно черная дыра засасывает в себя море драгоценной лазурной пыли. А глаза открываются...

Алиса проспала до 6 часов вечера, а значит, не было ни смысла, ни желания покидать дом для очередного похода в супермаркет через дорогу. Девушка вышла на балкончик через металлическую арку, которая вилась, словно живая, а также переходила в перила балкона и оконные рамы выше.

Был февраль, но на стеклах инея не было ни разу. Так

каждый год и это уже вошло в привычку для жителей Дилигитска. В провинциальном малоизвестном городке никогда не встречали суровые морозы (Что нельзя сказать про остальные районы Патриаморы, страны, находящейся в северной части планеты). Такая удивительная тепловая активность вызывала множество смущений среди ученых, однако они больше тратили выделенные средства на исследование и создание быстровысыхающих душевых леек. Все здесь оставалось обыкновенным: люди при встрече улыбались, и в их глазах была радость, счастье и бескорыстность. Никто не говорил «до свидания» или «пока», или «до скорого», точнее ни один человек не использовал какие-либо слова для того, чтобы закончить встречу. В Патриаморе не прощались, как и в любых других странах. Никогда. Ни с кем.

Алиса всегда смущалась этого, не понимала или не хотела принимать такие суждения. Она думала, что всегда будет нарушать традиции человечества, потому что не видела в собственных мыслях особого торжества от общения с другими: с подругами, коллегами, учителями и другими необходимыми для поддержания здравого рассудка личностями. Конечно, если бы хоть кто-то на планете говорил какие-нибудь фразы для завершения встречи, то и она взяла бы эту привычку себе на заметку. Однако этого никто не знал, не нашлось даже человека, внесшего такой жест в этикет.

И опять же девушка считала, будто это можно устроить, только все так трепетно следуют системе... Каждый считает,

что должен быть открытым для других, говорить лишь правду и ничего больше, кроме случаев, когда это наносило еще больший ущерб. Она сходила с ума вечерами, в голове у нее появлялись странные мысли, словно она уносит футболку из магазина, не заплатив. Так никто не делал, а во всем мире не существовало сигнализации. Для этого она даже подобрала слово «ворует», (которое обычно используется для выражения каких-либо чувств, например в стихах Егора Митрова «Ты воруешь мое сердце»). Иногда она думала, как легко можно отнять жизнь у коллеги по лаборатории или даже обычного прохожего. Для этого потребовался бы всего один острый режущий предмет или тупой и тяжелый. Конечно, девушка никогда бы не реализовала такую мысль, ведь до нее так не делал никто, даже во времена становления человека разумного – именно с тех пор цивилизация отказалась от конкурентной борьбы, начала действовать сообща. Несмотря на групповые разделения, а впоследствии становление множества сверхдержав, общество никогда не предавало своих членов. Современный мир за последние два тысячелетия не знал ни одной войны, ни одного протеста или других подобных бредовых выдумок людей, никогда не родившихся на свет. Все эти отрицательные понятия известны людям только благодаря богатому воображению режиссеров фантастических ужастиков. Таковой была Катари, планета, рожденная в свете Господом Богом.

Алиса стояла на теплом паркете носочками босых длин-

ных красивых ног. На ней висел голубой халат, стянутый тонкой вязкой на талии. Поверх шелка падали прямые серые волосы. Пепельный цвет ненастоящий: Лис любила седину, постоянно твердила всем друзьям, что хочет быть похожей на старушку (Выражение хронической депрессии или нестандартное течение – вам решать), и все же она была красивой, молодой и горячей. Бело-серые волосы на самом деле были идеальны для нее. Они прекрасно сочетались с красным маленьким носом. Лоб и щеки ее были бледными и холодными, а губы гладкими, словно спелая вишня. Шторм раскрывался в океане ее глаз, что придавало им характерный серо-голубой оттенок. Именно глаза были ее зеркалом. Они, пускай нередко измученные, показывали всю натуры Алисы, уверяли, что в глубине этой девушки, от самой нее скрывается волнение и любовь.

Раздался стук в дверь. Всего один. Девушка еще больше укуталась в халат и сняла защелку, но перед тем, как открыть, посмотрела в глазок. У ее квартиры стояла фигура, из которой через маленькое стеклышко можно было разглядеть черное кепи. Лис сразу же узнала своего почтальона. Она открыла дверь и он предстал перед ней, со сбитым дыханием. Парень был в пальто, из под которого выглядывала кофта с длинным воротником.

– Алиса Ивановна, здрасьте! Вам письмо... Хотел правда положить в ящик, но случайно пнул дверь... Уж было испугался, не разбудил ли...

– Опять торопитесь, Степ? – спросила она и взяла конверт, не отводя от почтальона взгляд.

– Да вот – парень приподнял охапку писем, обвязанных шпагатом – работа не волк, но и я не хочу пробегать целый день.

– А я уж хотела предложить горячий стакан кофе...

– Как только, так сразу, Алиса Иванна, бежать надо, – парень шустро зашагал к лестничной площадке, и, как это свойственно каждому жителю Катари, оставил прощальные слова при себе.

– Пойдите, Степа, – девушка высунулась в общий коридор дома, – а от кого это письмо? Уж больно изысканный конверт.

– Совсем забыл, Алиса Иванна, – парень развернулся и медленно начал возвращаться к двери девушки.

Затем он продолжил.

– Иду я сегодня до почтового отделения. Ну, на работу утром. И из-за угла, чуть не сбивая с ног, выходит на меня высокий мужчина в черном. Да и вообще вырядился странно сей господин: шляпа и пальто до колена, ворот поднят. Видели ли вы в последнее время таких? Я вот, честно говорю – первый раз такого зрелища свидетель. – почтальон почесал затылок, – И потом всучивает он мне конверт ваш и приговаривает: *«Стреловежца двадцать восемь, квартира одиннадцатъ»* – и ни слова больше, а просто вперед пошел.

Алиса нахмурилась и посмотрела на конверт. И правда,

адрес указан ее. Отправителя не было.

– Я его вслед спрашиваю, что это Алисе Ивановне Смирновой посылочка. А он вроде как и кивнул, а вроде и показалось. Ну, я все равно адрес прочитал на конверте. А вас нельзя не узнать, Алиса Иванна, – парень заулыбался, словно ребенок, который только пробует льстить.

– Хорошо, Степа, я поняла. Спасибо еще раз. Раз не хотите чай, пойду отдыхать, – девушка говорила это и прикрывала дверь, так что последнюю фразу молодой почтальон бросил почти что никуда.

– Это вам спасибо, Алиса Иванна! – парень перестал прыгать у двери, поправил шапку, взялся поудобнее за охапку писем и направился к лестнице.

Когда почтальон ушел, социальная жизнь Лис была закончена.

Алиса легла на кровать. Расправлять не было нужды. Девушка легла на бок, вытянула нижнюю руку в сторону подушки, укрылась холодным покрывалом.

Сегодня она ожидала услышать голос, однако вместо этого оказалась в собственной кровати. И тут возник вопрос, чем является данное действие: сном или началом сумасшествия. Было не очень светло, на столе и подоконнике горели свечи. Лис сидела на краю постели, по ее спине пошло тепло и она почувствовала его присутствие.

– Отгадай цвет, – прозвучал знакомый голос, появившийся месяц назад. Он опять улыбался во время слов, – девушка

по-прежнему это ощущала.

– Красный, – ответила она.

– Повернись, Алиса, – сказал он.

При этом она была уверена, что обычно в нем нет стольких добрых чувств. Ей казалось, она важна для него больше всех остальных людей.

Девушка обернулась и увидела силуэт, находящийся по ту сторону кровати.

Она хотела сказать ему, собиралась спросить, зачем он появляется в ее сознании, попросить оставить в покое, но он протянул ей цветок. Девушка потянулась к подарку всем телом, а только ее рука приблизилась к стеблю, острые шипы причинили боль. Цветок упал, и больше Алиса его не видела. Теперь гость целовал ее шею, и она увидела, что кровать поднялась высоко над потоком, причем с каждым вдохом вся комната становилась выше. Ее руки царапали спину парня, затем гладили, потом опять царапали, а под конец начинали хватать покрасневшую кожу. В этом поцелуе она утонула, не заметила, как он прекратился, а когда подняла голову, увидела, что находится в гробу, металлическом и на удивление горячем. Теперь стены его краснели – казалось, что от этого должно становиться жарче, но становилось совсем наоборот – холоднее и холоднее. У Лис свело дыхание. Теперь все стихло. Она посмотрела на свой балкон и поняла – она вновь была наяву. На лбу у нее выступил холодный пот, а в голове родилась мысль: «цинковый гроб».

Глава 6

Не было ни одного дня, когда Алиса чувствовала себя прекрасно от того, что рано проснулась. Она пять дней в неделю ходила на работу, как и все люди в системе. Единственное, пожалуй, отличие ее от многих – это специфика профессии. Далеко не каждый сумел бы найти умиротворение среди мертвых, хоть и звучало это, мягко говоря, абсурдно. С такими пациентами не приходилось спорить, просить разрешения на прикосновение или выслушивать жалобы на длительную очередь в коридоре. Странно, что только она видела практически одни плюсы работы патологоанатома. К запаху, конечно, нельзя было привыкнуть окончательно, и это Алиса поняла, когда несколько раз свозила на каталке трупы, найденные после смены сезона: под ногами хрустели личинки, которые вываливались из хрупкой субстанции, когда-то передвигавшейся на своих двух. Но Лис научилась жить с этим.

Сложно представить, кто мог бы мыть руки чаще смотрителей морга – полезная привычка, если есть необходимость прожить долгую жизнь. Поэтому, зайдя в кабинет, Алиса знала, что ее знакомый, Самсон Сусури'к, стоял около раковины, так что дверь она открыла не до конца, ведь в противном случае ее коллега получил бы удар в бок. Этот парень работал с ней на протяжении четырех лет, и, пожалуй, он был единственным человеком, который не надоед за столь-

ко времени. Помимо общих интересов, Самсон выделялся острым умом, часто используя сарказм, как самое страшное оружие против нудных людей. Последнее происходило вечерами в баре на перекрестке, в сторону которого выходил балкон Лис. Но, несмотря на все заслуги ее коллеги и, наверное, друга, девушка держалась на достаточном расстоянии, а парень не оказывал давление. Все-таки он был похож на остальных членов социума: считался с толпой, до потери сознания боялся мусорить и никогда не прощался. Молодой человек имел высшее образование инженера, но родители помогли устроиться в местный морг, и следить за молчаливыми лежебоками Самсону оказалось по душе.

– Как поживают твои друзья? – сказала Алиса.

– Да, проходи, коль нарушила покой в чертоге молчания, – он говорил и мылил ладони между пальцами.

– Разве молчания? В этом году мухи не завелись? – девушка улыбнулась и сдернула с крючка свободный медицинский халат.

– Ну, если только в твоей корзине с бельем, – Самсон в этот момент вытирал руки о полотенце, которое он достал из пакета в тумбе, – вчера привезли такое интересное дело. Сейчас пьем чай, и я покажу. Тебе понравится.

Хорошо, что Алиса приловчилась завтракать перед работой. Несмотря на чистоту в отделении с холодильными камерами, сам воздух был пронизан смертью.

Они зашли в белую комнату с металлическими дверцами

на стене. В руках Самсона брэнчала связка ключей.

– Его привезли в двадцать минут одиннадцатого. Отчаянный судмедэксперт вручил мне свои записи, и пожелал удачи в расследовании, так как не сумел прояснить всей картины, – говорил Самсон, подбирая ключ к одному из ящиков, – ты представляешь? Он рассчитывал что-то узнать без твоей помощи.

– Ой, Сон, я тебя умоляю, – Алиса наклонилась, – давай ключи. Ты опять запутался в своих же дверях.

– Не знаю, почему ты так долго смотрела на мою беспомощность перед этим железным хранителем, – он приподнялся и вручил связку Алисе, изобразив отдаленный вариант дружелюбия.

Девушка взяла их, нахмурившись от странного комментария, а спустя пять секунд ключ зашел в скважину, как вилка в вареную морковь.

– Дай-ка помогу, – мужчина потянул дверцу, и после недолгого скрипа перед ними выкатился черный пакет.

Молния разошлась в разные стороны и, наконец, началась практика самого непоколебимого патологоанатома на свете.

Это вызвало бы резкое отвращение у человека, который всю жизнь разделяет свинью или быка (этот процесс на самом деле не схож с аутопсией), а вот Лис была сущим демоном в своей работе. (Сочтите за комплимент, доктор Смирнова) Девушка начала осмотр головы.

– Видишь кровоизлияния? Признак асфиксии. Но это по-

ка не точно.

– Как скажешь. Это сейчас твоя игрушка, но не забывай, что тело семье нужно отдать в приемлемом виде, – подметил ее напарник.

– А с чего ты взял, что я стану уродовать нашего друга? – девушка была полностью погружена в изучение. Она разговаривала и одновременно рассматривала мертвые глаза, лоб и щеки, ощупывая их руками, – Хотя... Все же придется глянуть, что там в легких. Я так думаю, – Алиса кинула взгляд на Самсона, указывая на темные трупные пятна, заслоняющие лицо. Они не были ярко выражены, а плавно перетекали в бледный цвет кожи.

– А ты будешь заканчивать внешний осмотр всего те... – он прервался, потому что уловил улыбку девушки, говорящую «мальчик, это кто тут из нас штурман?» – Понял-понял, Алиса, я ни на что не претендую, – мужчина развел руками.

– И все же нельзя без вскрытия грудины, я аккуратно распилю ребра, – сказала девушка.

В ней было столько уверенности, будто с детства Алиса занималась охотой на кабана, при этом собственноручно разделывая туши. Без столь жестокого сравнения не обойтись, ведь резать чужую человеческую плоть, не моргая глазом, было нельзя без специальной «подготовки». Только не на Катарии. Однако при всем этом Алиса не выглядела монстром, испытывающим жажду мертвых тел. Если бы это было возможно, она бы создала свой мир, в котором не нужно бы-

ло бы пытаться умерших о том, что с ними происходило в последние моменты жизни. Речь идет о мире с системой гораздо проще, настолько, чтобы несчастных случаев случиться не могло. И так, на протяжении всей жизни, Алиса ощущала, что из нее наружу рвется протест современному обществу, которое переоценивало все.

Металлические зубы блеснули кровожадной улыбкой, добавив к этому звон других инструментов. Дрожащий серебряный столик подкатил к милейшему патологоанатому. Белая резина шлепнула по нежным ладоням, после чего в них лег скальпель.

– Сон, давай сегодня без твоих извращенских штучек! – девушка с замотанной головой, с холодным оружием в руках, перед которой лежал остывающий ста килограммовый мужчина, выглядела довольно внушительной, но ее друг, похоже, был не из трусливых.

– Ты же знаешь, я не могу слушать, как на все здание скрипят гнущиеся кости и шлепают друг об друга пласты мяса.

– Самсон Сусурик, только попробуй еще раз это включить!

Смотритель морга уже находился в коридоре, откуда донеслись последние слова молодого человека, что еще можно было хоть как-то разобрать.

– Ты знаешь, что нельзя иначе!

Сквозь врачебную маску показалась злоба, которой не должно быть, когда ты с минуты на минуту собираешься

разрезать грудину и выломать ребра. Алиса прижала пальцы правой руки между сосками и, приложив холодный нож в центр ориентира, одним плавным движением сделала хороший разрез. Кожа разошлась в точности, как молния черного пакета, из которого достали мужчину. Первый слой был на разогрев, ведь гладким пальцам еще предстояла изнурительная работа. Лезвие вновь встало на изготовку, шов стал глубже. Затем скальпель прорезал еще большую щель. Вот маленький серебряный инструмент шаркнул по твердому неровному островку. Зубчики едва заскребли по ухабистой дорожке из ребер.

Лоб резко нахмурился, а голубая шапочка слегка сползла назад, когда в уши полилась монотонная классическая музыка симфонического оркестра. Звук глухо касался барабанных перепонок, долетая из темного коридора. Реберно-хрящевой нож стукнулся о серебряный столик, так как Алисе хотелось хоть каким-то способом выразить величайшую сердитость на своего друга. И все-таки она нежно прикрыла железную дверь, чьи петли не так противно скрипели, нежели ужасный звук, тысячи раз искаженный стенами, что, по всей видимости, набили ватой. Разумеется, особой разницы патологоанатом не заметил, ведь по всей мертвецкой по-прежнему гремел концерт трусливых девяностых. Алиса осторожно взяла свое орудие.

– Ничего... Спокойная атмосфера. Классическая музыка улучшает память и внимание... А также вызывает отраще-

ние к своей работе! – ворчание прекратилось тяжелым вздохом.

Следующие действия можно спокойно было расценивать, как сон серийного маньяка в камере для особо опасных заключенных. Каждый взмах смычка скрипача попадал в такт движению руки милейшего патологоанатома. Шарканье костей, душесципательный скреб лезвия и игра струн смешались воедино, представив миру нечто некатарянское. Адская соната продолжалась, пока Алиса заводила реберно-хрящевой нож вверх и вниз, делая остановки после каждого хрустящего надлома. Темное вино сгущалось во внутренних полостях бледного пациента. Его тело тряслось, пока доктор Смирнова напрягалась все сильнее, чтобы освободить грудину от ненужных костей. Лезвие с малиновым окрасом отправилось на укрытый стол для использованных инструментов. Покрасневший нос пару раз шмыгнул, глаза охватила овация аплодисментов, а лоб распрямился от складок. Девушка была готова схватиться за молоток. Вот его резиновая рукоять озарилась в свете ламп. Жестокий холодный кусок металла прислонился к бордовой плоти. Глухой стук заглушился музыкальной симфонией, а ребра плюхнулись в красное желе. Алиса почувствовала, как пружинит легкое. Перчатки запачкались в томатном соке, но проложить путь к сердцу мужчины милейшему патологоанатому удалось довольно быстро, а главное – это было просто. Обломки костей Алиса сложила в блюдце, чтобы затем прийти в себя и вспом-

нить, что врач не имеет право дробить тело своих пациентов – даже не очень живых. К счастью, в реальном мире, у милейшего патологоанатома в запасе был еще и трезвый рассудок, так что девушка уверенными движениями вырезала грудину одним большим куском, отложив кость на секционный стол. Алиса быстро закончила с осмотром клетчатки с внутренней стороны, проверила состояние надкостницы. Для определения упругости пришлось согнуть новую игрушку. Здесь, конечно же, девушка уступала своим коллегам хирургам, чьи руки по неосторожности могли вовсе сломать хрупкие костные ткани. Доктору Смирновой же пришлось разрезать грудину, чтобы со значительным усилием выдавить костный мозг. Все эти обязательные моменты не давали каких-то важных данных, ведь сыщицу интересовало содержимое легких. Спустя десять минут монотонной проверки необходимых компонентов профессионал в белом халате вернулся к операционному столу. Розовые спелые органы смотрели на нее, создавая впечатление, будто от них исходят импульсы, словно мужчина все еще дышит. Классическая музыка способствует работе воображения, так что девушка быстро определила себя к числу поехавших безумных докторов, которых никогда не встречал этот чересчур непорочный свет.

Алиса отсекла легкое и расположила его в чашке около стоящей грудины, похожей на огромного костяного тарантула. Продольный разрез жестоким нажатием заставил сырое

мясо развалиться пополам.

– Следовало ожидать. Забилось кровью. Такая вот судьба. Теперь мы примерно знаем, что вызвало летальный исход, однако все еще непонятно, какой орган вышел из строя первым. – темные зрачки невинно посмотрели на измученного мужчину, смиренно лежащего на столе для нежити – Прости, Сон. Надеюсь ты не будешь долго сердиться на меня. Это необходимо, – запястье аккуратно смахнуло соленую капельку со лба, а затем пальцы с новой силой сжали маленький нож мясника.

Смотритель морга зашел в свою каморку и, как подобает лучшим традициям всех работников морга, тотчас направился к раковине. Дважды помыв руки с мылом, молодой человек направился к тумбе. Самсон потянулся и закричал, а его руки напряглись от тяжести музыкального ретро-центра. Гулкий «БУМ» улетел вглубь коридора, парень поправил очки, наблюдая за кусочками пыли, мчавшимися вслед за звуковой волной. Перед ним стоял тот самый проигрыватель-раздражитель, что из года в год выворачивал наизнанку каждый нерв Алисы. Радостное лицо впервые показалось этому миру в тот момент, когда Самсон вытащил из тумбы плоскую коробочку с надписью: «Ксам Хиртер – искусство в классике». Влажными пальцами парень извлек несколько виниловых пластинок, обернутых в картонные ячейки. Полистав отцовский ассортимент, он остановился на композиции «Ноябрь». Все остальное вернулось на свое законное ме-

сто в пыльный ящик. Щелчок крышки проигрывателя загнал молодого человека в привычное для него предвкушение мелодии флейт, скрипок и рояля. Он поставил иглу в углубление винила, нажав любимую кнопку ретро-центра. Аттракцион начался в удовольствие зрителя морга, и под вальс блестящей пластины комната столь мрачного места озарилась чем-то прекрасным. В светлой камерке зародилось то, чего никогда не старались создать на Земле. Это было желание искоренить жестокость.

Выходит, что Самсон не поедал мертвых по ночам, не разделял трупы женщин и детей с кровожадным желанием убийства. Его смущал вид бледного бездыханного тела, а воняющие пациенты с мухами время от времени вызывали рвотный рефлекс. Он даже не желал видеть хромой собаки, если та появлялась на горизонте. Алиса пыталась наладить контакт со многими сородичами по профессии, но добиться наилучшего коннекта удалось именно с Самсоном, человеком, который был знаком с анатомией из анекдотов хирургов.

Парень в белом халате поправил покрывало дивана, после чего вновь смял его, плюхнувшись костлявым местом на сидение. Круглые очки Гарри Потера помогали разглядывать маленькие буквы, вписанные черной ручкой днями ранее. Кроссворд считался непозволительной роскошью практически любого сторожа. И, на счастливую голову госпожи Сусурика, кодекс обходил стороной зрителей морга,

так как только в эту работу официально входило сидение на диване до приезда работника службы. И даже после визита очередного патологоанатома, полицейского, гробовщика, достаточно было вручить нуждающемуся объект для исследования, чтобы тот со спокойной душой мог отпустить жаждущего Самсона к его «обожаемым» кроссвордам и sudoku. Даже тайно любимая Алиса Смирнова, милейший патологоанатом на свете, не могла удержать худого парня в комнате для хранения больше пяти минут как до, так и после аутопсии. И спешу заявить, что молодой человек довольно хорошо держался на своем отвратительном посту. По сравнению с другими зрителями, во всей Патриаморе люди столько не работали в данном направлении. Порой создавалось впечатление, что выдающийся ум не позволяет чувствам целиком и полностью захватить контроль над телом, собрав вещи, и уехав работать на автомойку, что давала вакансии в центре города.

«То, чем руководствуется чиновник» – это слово засело где-то в глубинном уровне бессознательного, куда закрыт прямой доступ простому смертному.

– Да что же это может быть? Десять букв, а мыслей ноль...

Рука коснулась перемычки круглых очков. Карие зрачки спрятались за веками, упавшими от наслаждения. Симфония достигла самого трогательного момента. Задевал именно тот учащенный ритм, от которого вскипала кровь, и черноволосый парень возвращался в просторный горный край,

где каждая женщина с пряжей на крыльце считалась любящей матерью. В мыслях всплывало то место, где воздух был лучшим деликатесом, а вечерние танцы и песни самым эмоциональным этапом жизни.

– Справедливость!

Он заполнил окошки, но последняя буква не совпала с предыдущим словом.

– Вот те раз... – молодой человек переметнулся к описанию: «Закон, догма, принцип, то, чему важно придерживаться для сохранения человеческой природы. Самое важное в жизни человека, объект его защиты и поддержания». В самих ячейках каллиграфично стояло слово «кодекс»

– Да это точно верно, – он закусил губу, когда принялся стирать «справедливость» с глянцевої страницы.

– «Оберегать кодекс и соблюдать его правила» – малолетний пацан – и тот знает, что это наш юридический и физический защитник. Бред какой-то. Неужели разработчик допустил опечатку?

Короткий вздох прозвучал перед тем как Самсон Сусурик бросил журнал на низкий чайный столик, встав со скрипучего дивана. Проходя мимо проема в коридор, смотритель морга уловил брэнчанье металлических инструментов, которые Алиса швыряла за работой. Долетающие сигналы были ничтожными, потому что девушка прикрыла дверь. Самсон подобрался к шкафу, полки которых занимала странная коллекция из странных трофеев. По правде сказать, больше все-

го удивлял Самсон, ведь он и являлся хозяином собрания человеческих зубов, закатанных в смолу. Старенькая копия журнала «Себроф» выскользнула из шеренги пыльных носителей знаний. Парень захлопал страницами с надеждой найти подсказку. Конечно же, топ сто богатейших людей мира с малой вероятностью мог помочь хоть кому-то кроме членов этой самой сотни. Просто в морге хранился один единственный текстовый носитель, на каждой второй странице которого нельзя было встретить слова «аутопсия». Да, это журнал «Себров», если вы еще не поняли.

Семиминутная пауза способствовала возникновению бури в крохотном желудке молодого человека, так что в коморке зашипел чайник, полилась вода с паром, захрустели вафли с кремом, и в общем своем произошло все, что только могло случиться со зрителем морга в разгар рабочего дня. Тем временем в камере для хранения трупов трескались кости, чавкала мышечная ткань, а самое главное – зудела голова девушки, преисполненной ненависти к творчеству Ксама Хиртера.

Самсон сделал очередной глоток белого чая, от которого почему-то захотелось подойти к окну. Ничего не могло препятствовать этому порыву, поэтому спустя полминуты шторы колыхались от внезапного визита – парень вдумчиво стоял возле чистого подоконника с луковицей в горшке. Внутренний двор затянуло тучами, и зритель морга собирался прислушаться к ветреному вою, если бы не внезапный скрип

двери в коридоре. Затем ко всему добавились резвые глухие шаги по белой плитке. Вот в двери показалась Алиса, испачкавшая руки в томатном соусе. Девушка зашла в комнату не моргнув глазом, словно неслась на таран в конкретном направлении. Самсон быстро распознал траекторию движения, а еще он заметил, как девушка занесла перед собой окровавленный реберно-хрящевой нож.

– Не-е-ет! Алиса, что ты делаешь!?! Умоляю! – костлявые пальцы впились в торчащие черные волосы. Худощавый парень в белом халате ужасно завопил, в точности, как жертва перед маниакальной расправой.

Все эти крики были тщетны, ведь на лице Алисы воцарилась небывалая уверенность и демоническая улыбка – в конце концов, она только что осмотрела собственноручно вырезанную гортань. Нож взмыл вверх, блеснув в белоснежном свете своим красным концом.

– Алиса! Перестань! – молодой человек выглядел обезумевшим, готовым в любой момент самостоятельно кинуться на острие.

– Довольно! – вырвалось из уст патологоанатома.

Раздался девичий крик, напоминающий свиной визг. Морг в Дилигитске словно на мгновение превратился в загон для домашних животных. После ужасного шума воцарилась мертвецкая тишина. Самсон почти беззвучно свалился на пол от такого жестокого удара ножом. Когда серый дым немного рассеялся, показался белый заляпанный в крови ха-

лат. Он быстро направился к смотрителю морга с закрытыми глазами.

– Эй, Сон, ты цел? – Алиса придержала нежной рукой его голову, когда тот осторожно открыл один глаз.

– Мой любимый музыкальный центр... – эти слова художавый парень в круглых очках не проговорил и даже не пропищал – он проскрипел эту душещипательную фразу.

– Попросишь у начальства новый. До моего приезда. Мне сейчас никак нельзя отвлекаться, ты уж прости. Твоя шарманка не давала думать целый месяц.

– Мой любимый музыкальный центр...

– Слушай, а чего ты грохнулся-то? Да еще и завизжал, как девочка...

– **МОЙ ЛЮБИМЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЦЕНТР!** – молодой человек вскочил с мокрого от талого снега пола, зависнув на миг в дымке, что вытекала из увядающего лучшего друга Самсона. Настало время прощаться. Алиса траурно взяла в руки шапочку, что скрывала волосы на голове.

Молодой человек осторожно подошел к дырявой пластине, пронзённой ножом безумнейшего патологоанатома на свете.

– Ты... Ты, конечно же, права – мне выдадут какой-нибудь громмагнитофон, но... Винил... Алиса, что это было? – трясущаяся рука потянула черный диск, и тот под давлением развалился надвое. Самсон протянул девушке один кусок, – Зачем? Кодекс учит совсем не этому...

– Сон, ну ты прости меня. Я погорячилась, не спорю. Больше не будешь включать это при мне, и все будет в порядке. У всех.

– Говорите что хотите, дамочка – я это расцениваю как нарушение закона.

– Я, наверное, нарушу все нормы закона, если скажу, что мне за это ничего не будет, – Алиса ходила по краю пропасти, когда хвасталась своим «иммунитетом» к наказаниям, которые власти могли предпринять в случай неповиновения системе.

– Ты же понимаешь, да? Дело не в моем любимом музыкальном центре, – Сон вытащил второй осколок пластины, чтобы сложить их воедино, последний раз взглянув на прекраснейшее творение забытой классики. – Ты никогда не следуешь правилам – ты их нарушаешь, а это, да простит меня Бог, ведет к вырезвлению...

Девушка тут же закатила глаза, распознав в словах друга опасение.

– Алиса, куда ты катишься? Это не шутки!

– Сон, ты же меня так хорошо понимаешь. Так просто начни уже делать все в такт со мной. Неужели мой пример не показывает, какой должна быть нормальная жизнь?

Парень поправил очки, когда его взор обратился к развороченному музыкальному ретро-центру, пораженному крепким ножом средних размеров.

– Тобой сейчас движет злость. Такие речи нужно давать

в здоровом рассудке, когда кодекс может спать спокойно.

Бледные губы сильно сжались, а после из них вырвалась волна разочарования в виде тяжелого вздоха. Стройная фигура в голубой маске и кровавом халате подошла к тумбе погибшего на посту железного солдата с былой славой из прошлого века. Исцарапанный нож со скрежетом вышел наружу, оставшись практически без кровавых следов. Алиса направилась в темный коридор, а ее все еще друг, смотритель морга, господин Сусурик, потянул ручку пластикового окна, чтобы выпустить во внутренний двор следы дыма от замкнувших проводов. Подходя к проему, госпожа Смирнова решила на секунду включить режим женственности, но вместо приятного личика в медицинской маске она заострила все внимание на красной полосе посередине щеки. Быстро сняв перчатки, патологоанатом направился к раковине, и вот ранка стала дважды чистой, а глаза потеряли тревожность. Алиса еще раз всмотрелась в порез, надевая перчатки: кровь слегка выдавилась наружу, но тут же подсохла и прекратила портить настроение.

– Ну вот, шрамик...

– Что? – под шторой возникла вопросительная физиономия худого парня в круглых очках и в белом халате.

– Да ничего, – махнула резиновой рукой девушка.

Патологоанатом вошел в комнату с блестящими ящиками холодильника. В центре на столе лежал аккуратно разрезанный мертвец. Толстый мужчина являлся жертвой необъ-

ясных обстоятельств, потому что кровь стояла до верха в самой гортани, что свидетельствовало об эмфиземе легких в момент смерти, а возможно, даже раньше. Тонкие пальцы высвободились от резиновых перчаток, чтобы нажать на «play».

– На часах двенадцать часов двадцать семь минут, тело было доставлено в десять двадцать этого же дня, то есть двадцать седьмого февраля. Мужчина в возрасте сорока шести лет был найден на полу своей квартиры без каких-либо признаков насильственной смерти.

Разговаривая с диктофоном, девушка вновь окунула ладони в резиновые перчатки, взяла свой любимый нож, а затем принялась отрезать кишки. Когда весь набор внутреннего мира лежал у ног мертвого тела, небольшой «поварешкой» Алиса собрала необходимые анализы и загерметизировала свои находки. Кровь набралась в шприц так, что больной ни разу не пискнул – за это девушка любила такую работу. Наконец, Алиса вновь прервала тишину.

– Аутопсия проведена лично мной, доктором Дилигитского Научно Исследовательского Института Смирновой Алисой Ивановной. Тело массой сто один килограмм по предварительному осмотру имело сине-багровые трупные пятна и цианоз, – девушка старалась как можно компактней складировать все органы внутри своего клиента. – Имеются признаки удушья, а именно полнокровие слизистой, а также вздутие легких, – милейший патологоанатом запыхался, по-

ка накладывал ребра.

Девушка подошла к секционному столу, раскинула свой универсальный набор для шитья, чтобы привести несговорчивого пациента в первоначальный вид.

– Для дальнейшего выяснения причины смерти будет проведен анализ мочи и крови, но я подозреваю, что этот несчастный умудрился задохнуться при слабой работе сердца, и что самое необъяснимое, удушье как будто мучало мужчину длительное время, от двух до четырех часов. Иными словами – такой промежуток, за который должны приняться какие-то меры для спасения. По моему осмотру выходит, что этот человек два с половиной часа просто лежал на полу собственной квартиры и со спокойной душой задышался в свое удовольствие.

Алиса, протыкая иглой кожу раз за разом, улетала куда-то выше здания морга, поднимаясь над снежным оголенным полем, что отделяло ее от родного города. Девушка чувствовала, как что-то странное происходит с ее жизнью: она вроде бы в сороковой раз зашивала рабочий материал, делала голосовой отчет о вскрытии, сердилась на Самсона и думала о том, какой же мир на Катари несправедливый. При всем этом, что-то не давало расслабиться, постоянно создавая ощущение незавершенности. Будто бы за спиной в последнее время стоял кто-то, кто хотел все время напомнить о тяжелой ноше, нести которую должна именно доктор Смирнова. На середине монотонного шитья она вспомнила то са-

мое коричневое кепи у своего порога. Письмо, прилетевшее на крыльях демона напрямик во сны девушки-патологоанатома. Конверт, пропитанный ее страшными мыслями про незнакомца, который приходил из мира спящих практически каждую ночь. Алиса на некоторое время прислушалась к ритму сердца, а затем обнаружила, как мысли подогнали ее к финалу работы с нитками. Теперь заштопанный мужчина был похож на аккуратную версию «Шранкенштейна» из новеллы Шэри Мелли. Карие глаза вернулись из пустоты, несущей воспоминания о мрачном конверте с подписью «Милейшему творению Создателя Алисе с приветом от господина Редигендума, раба божьего». Она зависла на мгновение в том измерении, куда отправляются все грезы самых преданных мечтателей, а затем вновь оказалась на твердой плитке.

– Сон! Мне нужен формалин, шприцы и самый быстрый способ накачать нашего подопечного! Я вспомнила, что у меня есть срочное дело.

Глава 7

Холодный ветер обдувал бурую кожу сапог, а кристаллики льда врезались в мех. Алиса усиленно переставляла ноги по маленьким сугробам, чтобы кожа под колготками не успела окочуриться. По непонятным причинам девушка поддалась безрассудству, и теперь перед ней раскрывался широкий дом-титаник, через пару кварталов от которого якобы ожидал человек в такси. «Кому в голову могло прийти поставить машину прямоком на площадь „Чистого рынка“? Покажите мне хоть одного жителя Дилигитска, согласившегося пускать выхлопные газы в месте, где ходит столько народу» – Алиса не могла угомониться, пока под ногами хрустел снег, а в ушах свистела вьюга. Вечер был главным ее врагом, ведь столь частые перепады погоды происходили разве что на застывших морях, а теперь, когда милейший патологоанатом, наконец, выбрался в общество, решился выйти из зоны комфорта, где в основном обитали разлагающиеся оболочки людей, злобному ветру заблагорассудилось сдуть все настроение с моста над рекой.

Впервые в жизни Алисе прилетело в лицо столько килограммов снега. Ресницы, которые она так трепетно прихорашивала, бледные губы, что ей хотелось подчеркнуть, белоснежные волосы, уложенные лаком – можно было сказать на встречу ветру: «Спасибо, что слизал с меня макияж!». Од-

нако, будем откровенны – естественная красота порой куда ценней, особенно, если мы говорим о прекрасной Алисе, чей покрасневший нос и бледные губы словно инь и янь переплелись воедино, показывая, какая чудесная гармония создается в момент слияния двух не очень красивых черт лица. Да что мы знаем о красоте, если не можем представить, какое наслаждение испытывала Алиса, смотря в зеркало на свои белоснежные волосы; и ведь, никакой снег не мог растворить их очаровательный оттенок. С такой позиции, девушка была своеобразной Снежной Королевой, в подчинении которой находились мертвецы (хотя, приплетать ее работу в момент описания красоты, было своеобразным извращением).

Бежевое пальто впитывало снег, намокало и тяжело, пока стойкая духом и пылкая сердцем Алиса проходила мимо ресторана «Мерлонтон». Огни служили ориентиром в этом белом аду, напоминали, что все еще на тягостном пути есть место, куда можно зайти, расслабиться и согреть ноги. Но непреодолимая сила вела девушку вперед. Или, быть может, она просто выдумала эту силу? Конверт, лежащий в дрожащих руках интриговал и одновременно пугал своей темной аурой. Читая строки письма без отправителя, Алиса на секунды переносилась в свой спящий мир, где присутствовал загадочный человек, зовущий ее за собой. Он не то чтобы просил следовать, он просто вторгся в сновидения и тут же появлялось желание отбросить все страхи и тяготы, беспрекословно уходя вместе с незнакомцем. Необходи-

мо было собрать всю свою волю, выскresti ее из каждого закоулка взволнованной души, чтобы противостоять соблазну. И все-таки, обратного пути не было. Алиса видела только незнакомца, его розу и акулю морду. Девушка возвращалась в цинковый гроб раз за разом, пока не взяла в руки демонический пергамент. В какой-то момент ей казалось, что отправителем был король ада, желающий заполучить еще одну отчаянную жизнь. Она прекрасно понимала, что может с большим успехом попасть на нелепое собрание профессор-фанатиков, пропагандирующих очередное «полезное» изобретение. Верь в это Алиса на самом деле, в квартире одиннадцать на Стреловержца двадцать восемь во всю играло бы радио, и холодные снежинки не кололи бы карие глаза.

Тусклые огни сменились целым арсеналом гирлянд и фонарей. Бурые сапоги с меховушкой, наконец, стали глухо отбивать ритм по твердой плитке. Алиса вздохнула с облегчением, войдя на площадь, где орудовали снегоуборочные машины вперемешку с оранжевой мафией. Вьюга будто бы стояла стеной позади, а на «Чистом рынке» все было спокойно, как в штиль для моряков. Бежевое пальто превратилось в юбку балерины, пока девушка кружилась в поисках автомобиля. Его было бы легко разглядеть, ведь помимо оранжевого грейдера и двух маленьких экскаватором на круглой площади стояли небольшие светящиеся домики. Их вывески время от времени загорали ковшы, из которых прямым в грузовик сходили снежные лавины. Алиса увиде-

ла зеленые бананы за стеклом, а затем продавца, кладущего их в пакет. Она пригляделась и поняла, что спутала огурцы с фруктами. Голова вдруг налилась волнением, а руки потянулись к сумке. Девушка по прежнему оглядывалась по сторонам. Неужто она не замечала обещанного легкового автомобиля на плоской и круглой площади. Ей пришлось распахнуть конверт под легким снегопадом, замочив края бумаги. Зрачки едва сузились, когда Алиса перечитывала постскрипту письма.

– Все верно, я на «Чистом рынке», на площади, но никакого водителя и в помине нет. Или, может быть... Водитель ждет меня в этой громадине?

Мокрое серое пальто полетело к грузеному камазу. Члены оранжевой мафии с лопатами в руках оживились в присутствии столь милого создания и тут же обозлились, когда девушка неожиданно распахнула высокую дверь грузовика. Алиса плюхнулась на сидение, а водитель только успел выхватить из под нежных ягодич свои драгоценные бумаги. Мужчина в оранжевой блестящей куртке сдвинул со лба черную шапку. Он ничего не сумел сказать, так как рот заклинило сразу же после появления девушки в салоне.

– Добрый вечер! – она протянула мокрый конверт, освежив мужчину ледяными каплями. – Вы, наверное, ждали меня?

– Что? – спросил рабочий. Он будто бы увидел, как земля раскололась надвое.

– Ну, как что? Я – Алиса Смирнова. Меня пригласили на вечер и должны были приехать за мной сюда. Хотя отправитель знал мой адрес...

Она посмотрела на мужчину, а он уставился в ответ. Она еще раз протянула конверт разорванной печатью вверх, а он выскочил из кабины.

– Зарип, кто эта такая? Что вы сказали ей про меня?

Зарип лишь пожал плечами, оставив мужчину наедине с сумасшедшей. Алиса быстро распознала в лице этого рабочего простого смертного, который, похоже, собирался развиться о кодексе и этике, входящей в него. Голова разболелась от одной такой скребущей душу мысли, и стройная фигура осторожно спрыгнула на глухую плитку. Сначала хлопнула дверь, которую закрыла Алиса, а затем в кабину вернулся человек в оранжевой куртке. Когда девушка ушла в сторону, краем уха ей удалось расслышать, как защелкнулись фиксаторы на двери. Как поистине пунктуальная особа, она достала смартфон и убедилась, что не пришла слишком рано. Часы, напротив, утверждали, что Алиса Смирнова явилась на встречу с двадцатиминутным опозданием. «Что вы за джентльмен, если не готовы подождать девушку лишнюю треть часа?» – ей почти удалось фыркнуть, когда она поймала себя на этой мысли.

От безысходности глаза уставились в переулок между двумя полированными домами. Алиса медленно крутила головой, пока не поняла, что какой-то важный объект промельк-

нул в тени между зданиями. Вернувшись обратно, она увидела маленькие огоньки, блестящие в падающих зеркалах льда. Этот свет сопровождался сильным гудением или скромным ревом. За стеклом, отражающим серо-бежевое пальто, виднелся силуэт живого теплого человека, томящегося в ожидании.

– Вот вы где!

***

Алиса шла в платье, которое подчеркивало ее стройное тело. Первым слоем была пущена белая шелковая ткань, а сверху лежал черный кружевной материал. Все это выглядело не только элегантно, но и бросало вызов современной моде: ноги просвечивали сквозь кружевную юбку, воротник на груди был распахнут, и ее тело дышало. Девушка думала о странном человеке, который встречал ее на входе. «Почему он не поздоровался, и что он спросил? Не собираюсь ли я выразить свое недовольство по поводу того, как далеко находится имение от города?» – абсурдно прозвучало в голове у Алисы.

Ее также интриговал текст письма:

«...в твоей жизни не хватает чего-то поистине захватывающего. Возможно, мои слова сумеют побудить в тебе ту самую интригу, что давно просится наружу из ласкового сердца. Обдумай это предложение, поскольку шанс изменить мир дается один раз, и не стоит думать, что подобными письмами я разбрасываюсь направо и налево. В первый

день марта к полночи буду рад приветствовать в имении Свята Гадуха.

Р. С. Чтобы попасть в столь удивительное место, обратиться с уважительной просьбой к таксисту на площади Чистого рынка в своем городе.

Редигендум В. Г.»

Это место казалось ей таким знакомым, будто она идет по собственному внутреннему миру. Вокруг были высокие стены, украшенные различными картинами. Сначала она прошла мимо сложных творений, которые находились в изысканных рамках, а изображены на них были властные люди прошлого. Далее пошло творчество художников, которые жили позже, со своими картинами-абстракциями. А в конце, там, где уже отчетливо виднелась парадная дверь, были какие-то странные картины, посвященные, как показалось Лис, одной теме. Но какой? Полотна были без рамок, они даже слегка колыхались.

Первым изображением в серии был шторм, на переднем плане которого выступал маяк с озаряющим светом фонаря. Вторую картину характеризовали простые линии, переплетающиеся между собой. Здесь Алиса чувствовала некоторое беспокойство. Последним изображением была молодая пара, сидящая в пабе. Люди выглядели как-то не так, но со вкусом. Как будто они жили не на этой планете, а в каком-то другом мире. Они понравились Алисе. Через мгновение девушка увидела на всех трех картинах подпись в виде «Р», хотя

раньше совсем не замечала такую большую и яркую деталь. Или ее там действительно не было?

Раздался громкий звук, словно выстрел мушкета, пробежавший волной по высокому коридору. Лис повернулась в сторону двери и увидела, как со скрипом она распахнулась, после чего от туда показались двое слуг, которые держались за рукояти. Люди, как будто просто ухватились за дверь, и та уже самостоятельно притащила их за собой. Спустя несколько секунд, как по таймеру, вышел человек в смокинге. У него на груди висела блестящая цепочка, которая каждый раз переливалась разным цветом.

– Очаровали картины? – спросил незнакомец.

Вниманием девушки завладело воспоминание из сна, в котором безликий парень говорит, что пришел за ней. А потом она вспомнила, что находится не в том месте, чтобы уходить во внутренние переживания.

– Просто, они очень странно смотрятся в одном месте. Я Алиса...

– Смирнова Алиса Ивановна, – прервал мужчину, – что же такого странного вы здесь находите?

– Простите, а вы...

– Влас, Редигендум Влас. Пожалуй, не буду больше пытаться вас на этот счет. Проходите, общайтесь с гостями, наслаждайтесь нашей живой музыкой, а через некоторое время я подойду к вам и объясню, почему вы получили приглашение сюда.

После красивых слов, мужчина кивнул и направился к парадному входу, а через некоторое время уличная дверь отворилась и захлопнулась. В ушах Алисы вновь раздался мушкетный выстрел.

Когда Алиса ходила по гостиному залу, она не могла не удивляться, насколько красивый был потолок в этом месте. Смотря на него, можно было прочесть десяток историй в картинах: древний бог, приходящий по ночам к своей возлюбленной в тайне теней; пастух, которому на голову садится орел, в последствие чего мужчина становится императором; король, который тысячу ночей слушает рассказы своей жены. Это далеко не все истории про любовь и власть, которые были нарисованы на выпуклом потолке. Алисе тогда показалось, что такое помещение обошлось бы в десяток «Дилигитских Научно-исследовательских Институтов». Гости пили шампанское и вели типичные разговоры о самочувствии друг друга, хорошей погоде в Патриаморе, а также о самом главном – о том, что им жутко неприятно, как ведут себя слуги на вечере. Алиса тоже заметила, что никто из разносчиков и дворецких не здоровался, не представлялся, не желал хорошо провести время и вообще, проявлял вежливость только в случае необходимого разговора. При чем девушке нравилось, что никто не стремился оказать излишнюю любезность. «Это странно... Мне опять вспомнился сон... В тот момент, когда со мной начал говорить этот мужчина. Кто он такой? Да при дорогом доме», – подумала

Алиса.

– Как вам угощения? – спросил кто-то позади.

Алиса развернулась, но не с той стороны, и в целом вся сцена выглядела глупой для них обоих. «Неуклюжий человек. И чувства такта вовсе нет» – подумала девушка.

– Ох, здравствуйте! Я еще ничего не пробовала. А что, есть рекомендация? – ответила она, посмеиваясь, когда, наконец, увидела лицо собеседника.

Перед ней стоял молодой мужчина в костюме, с красной рубашкой. Из бокового кармана виднелась небольшая ровная купюра. «Оригинальный подход к внешнему виду» – подумала Алиса.

– Вообще-то, – он потер шею, – я еще думаю, уйти сегодня домой с хорошим настроением или устроить скандал, защищая честь бедных гостей от злых разносчиков с плохими закусками.

Алиса рассмеялась. Впервые за долгое время делать это себя заставляла не она сама. Она посчитала, что высмеивать характеры людей – забавная вещь. Одновременно с этим она влюбилась в купюру на пиджаке.

– Но ведь вы не попробовали ни кусочка! Как же вы определяете, что закуска плохая?

– Я не доверяю тому, кто ее подает. Не говорите, что вы не заметили, как люди, прислуживающие здесь, ведут себя чересчур удовлетворительно. Хотя, вы, не понимаете о чем я – вдруг переменялся он.

– Очень даже понимаю – Алиса замолчала и, уже было хотела продолжить, но мужчина ее перебил.

– Ты заметила... То есть вы... А вообще, не хочешь перейти на «ты»? – на его лице появилась улыбка.

В ответ последовал только неуверенный кивок. Девушка словно проглотила язык.

– Хорошо. Ты заметила картины во входном зале?

Алиса вновь кивнула.

– И как тебе та картина с изображением сердца, состоящая из переплетающихся линий?

Девушка на время пришла в себя.

– Вы... Ты сказал, что это сердце?

– Конечно, а что же еще это может быть?

– Но ведь сердце выглядит совсем не так! – усмехаясь ответила Алиса. Кому, как не ей, знать строение человеческих органов.

– Ты что, с луны свалилась, барышня? Конечно, не так, но мы сейчас говорим про другое сердце. Это не очень смешная шутка – сказал он.

– А никто и не шутит! – ответила девушка. Она на самом деле не имела понятия, что кто-то рисует такое сердце. Никто не знал об этом во всей Патриаморе.

– Хорошо, понял. Вообще, человеческое сердце, каким мы привыкли его видеть, имеет отношение к альтернативной версии рисунка. Зачастую «сердечко» мы видим на открытках или в мультфильмах...

– Что вы говорите – ответила Алиса.

– Это самая что ни на есть правда! В древности, когда мужчина и женщина были единым целым, их сердце действительно выглядело так, как на той картине в зале. Но от постоянных разногласий и споров такие «парочки» были наказаны Богом и разделены на два разных тела, а значит и сердце, как все остальное было разделено пополам. Отсюда и картина, которая очень напоминает два совмещенных «настоящих» сердца, ведь когда-то это все было единым органом. Таким образом, влюбленным и по сей день необходимо искать друг друга. В древности это было испытанием для людей. Ну, а сейчас... В наше время уже никто не говорит об этой легенде, к большому сожалению. Но я до сих пор не могу поверить... Вы меня слушаете? – он улыбнулся и пригнулся, чтобы всмотреться в зависшие на месте глаза Алисы – Деву-у-ушка.

Лис снова пришла в себя. Она уже позабыла историю, которую только что пытался поведать незнакомец.

– Это очень интересно. Правда, вы так говорите, словно ведете лекции по философии не один год.

Мужчина улыбнулся сильнее обычного. Тогда девушке показалось, что это была единственная искренняя улыбка от него за весь вечер.

– Ты порезалась, – он указал пальцем на небольшую засохшую ранку на щеке.

– А, это. Выронила из рук скальпель, а ему вместо того,

чтобы как все обычные ножи полететь вниз, угораздило попасть в лицо, – пояснила Алиса, махая рукой, – но я неплохо отделалась.

– Это очень опасное занятие, возиться с медицинским оборудованием, а где ты работаешь?

– Я патологоанатом. А работаю...

В ее мыслях всплыли слова из сна: «...я пришел сюда за тобой, но уносить не собираюсь...»

– Вижу, вы уже общаетесь. Это здорово! Но начинать игру нам пока еще рано, – сказал Влас, который подошел в тишине, совсем незаметно. – Прошу сейчас обратить внимание на стол, у которого я буду говорить в микрофон. Думаю, что вы, как раз самые заинтересованные гости.

Когда Лис хотела продолжить беседу с незнакомцем, он уже затерялся среди людей. А может быть, его увел Влас – вот незадача во всем разобраться!

***

Все столпились вокруг дорогого звукового центра. Алиса отыскивала своего нового знакомого в толпе. Она подошла к нему боком и наклонила голову.

– Я патологоанатом, и очень горжусь своей работой, – шепотом сказала девушка, а потом посмотрела в глаза незнакомцу. Мужчина ответил удивленным взглядом и добавил занимательную фразу:

– Все, что меня не убивает – делает меня сильнее, а все то, что убивает, за меня уже делает... – он замялся, ведь понял,

что не спросил, как ее зовут.

– Я Алиса, если ты прервался из-за этого. А так ты правильно сказал – все делает Алиса Смирнова, патологоанатом, что защитила докторскую о вредных металлах в крови современного городского человека.

– И как результат? – спросил мужчина – готов поспорить, что допустимая норма явно превышена.

– А вот и нет, – ответила Алиса. – Все гораздо лучше, чем ты думаешь. В ходе исследования я не обнаружила ни одного лишнего грамма, тем самым подтвердив, что бич божий – абсолютно здоровый организм. В науке ведь всегда так.

– Вот это позитив, – ответил мужчина, – хотел бы и я быть таким, как твои подопытные.

Алиса улыбнулась, и почти засмеялась, но увидела Власа. Он вышел в центр импровизированной сцены, уверенно, в открытой позе, как прирожденный оратор.

– Господа! Я рад видеть заинтересованные лица этим вечером, – сказал Влас, – но, как вы могли догадаться, находитесь вы здесь не просто ради того, чтобы наслаждаться едой и напитками. Я хочу сделать предложение. Двум людям. Предупреждаю сразу, что если здесь присутствуют те, кого интересует финансовая поддержка или реклама – меня это никаким образом не заботит.

Треть зала начала суетиться и через несколько мгновений людей в помещении стало меньше, а из большого коридора какое-то время доносились недовольные голоса уходящих.

Алиса огляделась, но интересный незнакомец вновь куда-то исчез. Она почувствовала себя несколько тоскливо.

После того, как стало свободнее, Влас провел взглядом по залу, а когда заметил среди гостей Алису, улыбнулся и продолжил речь.

– Что ж, самые голодные оставили пост. Остались лишь непробиваемые.

По залу пробежала волна смеха. Алису это удивило, потому что всех развеселила скрытая издевка. Снова появилось ощущение, будто смеялись люди с какой-то другой планеты.

Тем временем Влас продолжал:

– Я даю каждому из вас выбор. Первый вариант – это последовать за народом в сторону парадного выхода. Второй – совершить поступок, который изменит вашу жизнь навсегда. Вы обретете вечную славу и могущество, если безоговорочно будете готовы приступить к выполнению. Итак, даю на все про все полминуты готовности: одни на выход, а те, кто готовы шагать по головам ради успеха – продолжают слушать.

Внезапно у Алисы появилось чувство, что ее кто-то гонит. Она заволновалась, словно ей сообщили, как директор института вызывает к себе «на ковер». «Почему никто не уходит? Это же какая-то секта! Еще чуть-чуть и они начнут сдавать одежду и украшения, а после их заведут в теплицу, где они будут выращивать травку» – подумала Алиса, а затем ужаснулась от того, что ей пришло в голову. «Я не могу в этом участвовать. Это место меня пугает». Девушка вышла

из толпы. Стояла гробовая тишина. Она шла по блестящему полу, а вокруг себя видела только людей с ехидными взглядами до самой двери. Выйдя в коридор, Алиса успокоилась. У нее горело лицо, и она хотела как можно быстрее оказаться на свежем воздухе. Уличная дверь снова выстрелила, когда захлопнулась, и парадный зал замер в мертвецкой тишине.

Глава 8

– С тобой все хорошо? Выглядишь взволнованной, – спросил Александр.

Алиса посмотрела на мужчину. Он улыбался, а из-за спины у него сочился свет, словно лучи солнца огибали пиджак. Девушка услышала стук сердца. Никогда оно еще не билось столь сильно. От этого закружилась голова, и появилось ощущение, что мысли сладки на вкус.

И почему Влас подходил в неподходящие моменты? Она хотела сказать Александру что-нибудь приятное, но почувствовала себя подавленной и вспомнила про слова из сна: «я пришел за тобой...» И тут же внезапно появился мужчина в смокинге:

– Как и обещал, ввожу в курс дела. Вы, мои дорогие, показали себя достойными людьми. Это огромная честь и ответственность. И вот, собственно, вам выпал шанс создать что-то принципиально новое.

– Может, не будем по-прежнему ходить вокруг да около, – сказал Александр. – Скажи, чего ты ждешь от нас?

Алиса металась взглядом между мужчинами, как будто следила за шариком для пинг-понга, который отскакивал ото лба то одного, то другого.

Влас улыбнулся. Алиса вспомнила свои сны, а Александр невольно представил сестру в больничной палате. Затем они

про это забыли, и лишь некий отголосок остался в памяти будто шрам.

– Сейчас у вас, можно сказать, испытательный срок, – Влас протянул два амулета с красными самоцветами внутри. – Должны будете носить их неделю, после чего встречаемся здесь. Возьмите, не стесняйтесь.

– Это то, ради чего было все организовано? – Чтобы устроить показ побрякушек? За сколько потом мы должны будем их купить?

– Не веди себя, как будто ты простой человек, Саша, – сказал мужчина в смокинге.

Александр уставился на него. Похоже, это первый раз, когда Влас не пренебрегал строгостью. А Саша в свою очередь почувствовал, как замечание задело его. «Это было профессионально. Дорогой подкол. Мысли читает. Не жалеет меня, хотя я уговорил девчонку остаться», – подумал мужчина.

Алиса все еще молчала. Она не понимала, что происходит.

– Я обо всем расскажу, но для начала пройдите проверку. Носите эти амулеты на себе, – все время. Это понятно? Чем больше времени эти штуки пролежат без вас – тем хуже будет результат. Через неделю вы обо всем узнаете, если сумеете выполнить первую задачу. Еще раз повторяю, во времени я вас ограничивать не стану.

Влас поднял руку, в которой лежало украшение с пентаграммой.

– Что это? – спросила Алиса.

– То, о чем мы договорились, – ответил Влас.

Он еще сильнее протянул непонятный предмет, и в центре у него загорелся красный свет.

– Это не просто украшение, – сказал он, – это амулет, который делает всю работу. Потеряете – скорее всего, не увидите друг друга никогда. Это не угроза, предостережение скорее.

– Как понимать? – возмутился Александр. – Что ты говоришь, Влас? К чему таить об этом?

– Прошу, будьте благоразумны, я обо всем расскажу, но через неделю. Это единственное, что я от вас прошу. Вы же хотите сделать мир лучше, понимаете, что для этого нужно самопожертвование. Так пожертвуйте же свой интерес на одну неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.